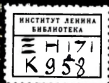
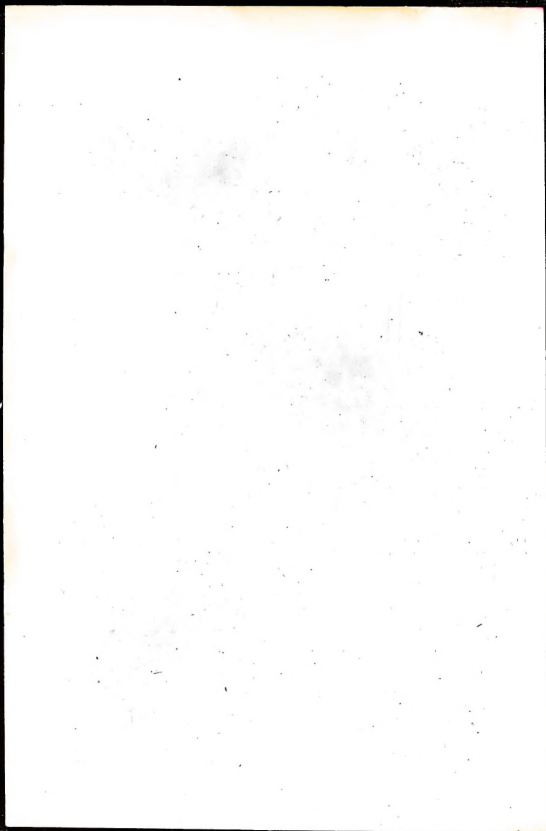
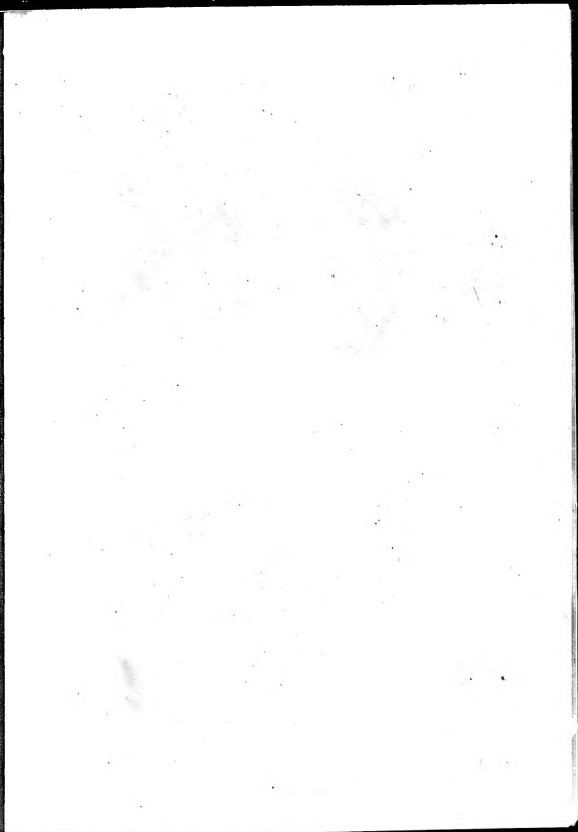
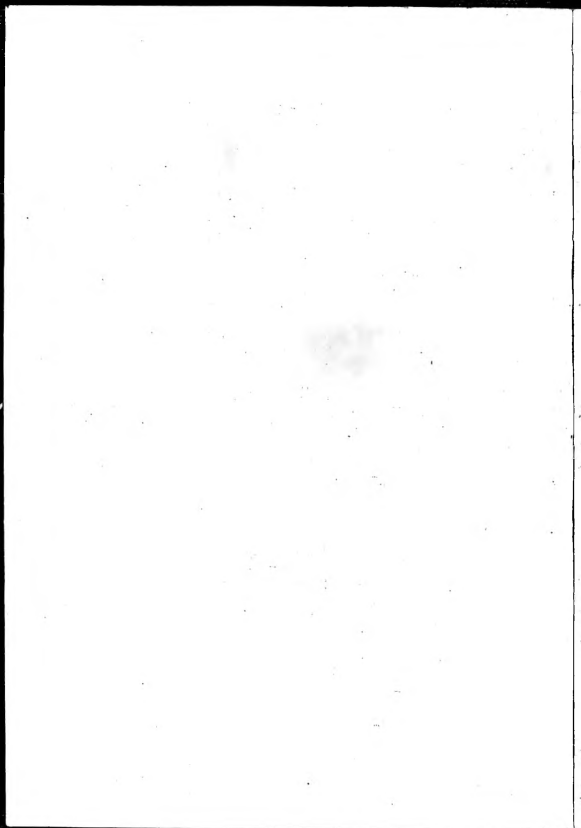

АТРСЕКММ КУ ДА ДЖЕВЕ АНДЖЕ ?

Л. ТРОЦКИЙ

КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?

ЕНТИ
К958

ВЫПУСК ВТОРОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 2 6

Государственное Издательство

Москва — Ленинград

Л. ТРОЦКИЙ

КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?

Стр. 162.

Ц. 60 к.

Содержание. Предисловие. Куда идет Англия? Упадок Англии. Мистер Болдуин и... постепенность. Кое-какие „особенности“ английских рабочих лидеров. Фабианская „теория“ социализма. Вопрос о революционном насилии. Две традиции: революции XVII века и чартизм. Тред-юнионы и большевизм. Перспективы. Примечания.

„Мы поставили себе целью выделить и охарактеризовать те исторические факторы и обстоятельства, которые должны определить развитие Англии в ближайшую эпоху“. (Л. Троцкий. Из предисловия.)

„Блестящий анализ политического и хозяйственного положения современной Англии“. (В. Яроцкий. „Печать и Революция“, 1925 г., кн. 7.)

★

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ

С. Д. МСТИСЛАВСКИЙ

РАБОЧАЯ АНГЛИЯ ОТ О'БРАЙЕНА— К МАКДОНАЛЬДУ

Стр. 134.

Ц. 70 к.

★

Г. ШЛЮТЕР

ЧАРТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Очерк социально-политической
истории Англии

Стр. 398.

Ц. 2 р. 75 к.

Одно из самых капитальных исследований чартизма, целиком построенное на первоисточниках.

Ф. А. РОТШТЕЙН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИИ

Изд. второе, переработ. и допол.
Стр. 344. Ц. 1 р. 75 к.

★

У. КРЭК

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИИ

Перев. с англ. С. Пестковского.
Стр. 110. Ц. 50 к.

★

Том МАНН

ВОСПОМИНАНИЯ

Перев. с англ. С. Антропова.
С предисл. Н. Мещерякова.
Стр. 212. Ц. 2 р.

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН 171
К 958

КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?

2
ВЫПУСК ВТОРОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

К.

ЕН171

К958

Библиотека

Института Ленина

при Ц.И. В.К.И. (6.)

1062525

~~с.а.~~
12075

(959)
26

~~29~~
36 с.1.

Настоящая книга состоит из статей, посвященных английским критикам книги „Куда идет Англия?“. Статьи дают оценку отдельных представителей английского реформизма в связи с теми вопросами, которые сейчас стоят в центре политической жизни Англии.

В приложении помещены статьи Бертрана Расселя и Брельефорда, а также выдержки из статей Макдональда, Ленсбери, Уильямса и отзывы международной прессы о книге „Куда идет Англия?“.

Редакция.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы английского рабочего движения. (Вместо предисловия)	Стр. 5
---	-----------

ОТВЕТ КРИТИКАМ

О темпе и сроках.	29
Брельсфорд и марксизм	39
Еще раз о пацифизме и революции. (Ответ Бертрану Расселю.)	49

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Х. Н. Брельсфорд.</i> Предисловие к английскому изданию книги „Куда идет Англия?“	67
<i>Бертран Рассел.</i> Из статьи „Троцкий о наших грехах“	70
<i>Р. Макдональд.</i> Из статьи „Троцкий о Великобритании“	74
<i>Джордж Ленсбери.</i> Из статьи „Троцкий“	76
<i>Роберт Уильямс.</i> Из статьи „Евангелие от Троцкого“	77
Международная пресса о книге „Куда идет Англия?“	79

ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Печатаемая ниже статья состоит из отрывков, писавшихся в разное время, с конца прошлого года. Отрывки эти по первоначальному замыслу должны были послужить материалом для более цельной работы. Всеобщая стачка, как всякое грандиозное событие, сразу передвинула перспективы, выдвинула одни вопросы и отодвинула другие. Под углом зрения понимания и оценки всеобщей стачки и ее исхода представляется сейчас более целесообразным печатать эти отрывки так, как они писались по живым следам фактов и событий, т.-е. в хронологическом порядке.

22 декабря 1925 г.

Мы уже упоминали, что в нашем распоряжении имеются два письма английского „левого“ социалиста, отделенные друг от друга несколькими неделями*). Первое письмо написано до ливерпульской конференции рабочей партии (сентябрь 1925 г.), второе — после. „Наиболее злободневным вопросом в политическом мире, — писал наш автор в первом письме, — является, без сомнения, вопрос о том, что произойдет в Ливерпуле, на годичной конференции рабочей партии... Ливерпульская конференция, по всей вероятности, не только откажется от своей прошлогодней резолюции об исключении коммунистов, но и, возможно, положит начало решительному расколу в рядах рабочей партии“. Случилось, как известно, как раз наоборот. Победило полностью правое крыло. Левые являли самую жалкую картину беспомощности и растерянности. Исключение коммунистов подтверждено и подкреплено.

Во втором письме, написанном уже после конференции, наш автор делает следующее признание: „По поводу ливерпульской

*) См. „Правду“ и „Известия“ от 11 февраля 1926 г. (№ 34).

конференции, на которой я не был, я могу сделать сейчас только одно замечание. Правые одержали верх, а левые еще раз обидели недостаток сплоченности. Коммунисты тоже одержали победу. *Правые сильно сыграли на руку коммунистам...* Вряд ли наш автор сам ясно понимает, что это значит. А между тем, логика фактов проста: если хотите победы над макдональдовщиной, над организованной изменой, над возведенным в систему предательством, то действуйте не в духе „левых“, а в духе большевиков. В этом и только в этом смысле правые играют в руку коммунистам.

Рабочий класс, по словам того же критика, „тяготится обоими крайними флангами“. Замечательно сказано! То, что „левый“ называет правым флангом, есть официальное руководство рабочей партии. Политическая воля английского пролетариата, хочет — не хочет, проходит через таможню Томаса-Макдональда. Противоположное крыло, т.-е. коммунисты, представляет собою маленькое гонимое меньшинство в рабочем движении. Каким образом рабочий класс может „тяготиться“ ими? Он волен их слушать и не слушать, у них нет в руках никаких средств навязать себя. За спиной Томаса-Макдональда стоит вся машина капиталистического государства. Макдональд исключает коммунистов, Болдуин сажает их в тюрьму. Одно дополняет другое. Страхнуть Макдональда рабочий класс сможет лишь в том случае, если по-настоящему захочет страхнуть Болдуина. Совершенно правильно, что своей зависимостью от консервативных фабианских буржуа рабочий класс все более тяготится. Как от них избавиться, какой путь избрать, этого он еще не знает. Левые отражают недоумение английского рабочего класса. Его еще смутное, но глубокое и упорное стремление освободиться от Болдуина-Макдональда они превращают в лево-оппозиционные фразы, не налагающие на них никаких обязательств. Политическую беспомощность пробуждающихся масс они превращают в идейную путаницу. Они являются выражением сдвига, но также и его тормозом.

Мы слышали уже пророчество насчет того, что ливерпульская конференция положит начало решительному расколу в рядах рабочей партии, и мы видели, как жестоко жизнь насмеялась над этими пророчествами. Существо центристов в том, что они не решаются решиться. Понадобилась империалистская война, чтобы заставить центристов временно отколоться от социал-империалистов. Как только ослабел напор событий, центристы верну-

лись назад. Центризм неспособен на самостоятельную политику. Центризм не может быть руководящей партией в рабочем классе. Существо центризма в том, что он не решается решиться, — разве уж только, если события окончательно возьмут за горло. Но в Англии до этого еще не дошло: вот почему никакого раскола в Ливерпуле не было.

Что было бы, однако, если бы раскол все же произошел? И на этот счет наш автор не оставляет нас без разъяснений: „В результате такого раскола из прежней рабочей партии должны, в конце-концов, образоваться две партии: одна — лево-либеральная, другая — подлинно социалистическая... Если даже допустить, что развитие поведет к экономическим потрясениям и революции, возникнувшая из раскола социалистическая партия могла бы стать во главе революции, а этого-то Троцкий и не принимает в расчет“. В этом рассуждении осколки истины теряются в путанице. Разумеется, откол центристов, подобных нашему критику, от фабианских буржуа не был бы безразличным для рабочего движения. Но, чтобы осуществить такой раскол сейчас, нужны были бы пронизательность и воля, т.-е. те именно качества, которых у британской „оппозиции“ нет и в помине. Центристы если и раскалываются, то в последний час, когда другого исхода нет. Но партия, вылупившаяся в „последний час“, не может руководить революцией. Это не значит, что отколовшиеся центристы не могут временно оказаться „во главе“ масс, подобно немецким независимцам и даже социал-демократии в конце 1918 г., подобно нашим меньшевикам и эсерам после февраля 1917 г. Такой этап в развитии английской революции не исключен. Он окажется даже неизбежен, если обострение социальных противоречий пойдет быстрее, чем формирование коммунистической партии. Под давлением всеобщей стачки и победоносного восстания известная часть „левых“ лидеров может даже притти к власти — с теми же, примерно, чувствами и настроениями, с какими телянок идет на бойню. Долго, однако, такое состояние не продлится. Независимцы могут — вопреки всей своей политике — притти к власти. Но удержаться у власти они не могут. От центристов власть должна либо перейти к коммунистам, либо вернуться к буржуазии.

Поднятые революцией против своей воли на вершину власти немецкие независимцы немедленно поделились ею с Эбертом и Шейдеманом. Эберт немедленно вступил в переговоры с генералом Реннером о подавлении рабочих. Независимцы критиковали

спартаковцев, социал-демократы травили их, офицерщина расстреляла Либкнехта и Люксембург. Дальше события пошли своим логическим чередом. Коалицию социал-демократов с независимыми сменила коалиция капиталистов с социал-демократами. Затем социал-демократы оказались ненужны. Эберт умер во-время. Революция, начавшаяся против Гинденбурга, закончилась выбором Гинденбурга в президенты республики. К этому моменту независимцы уже вернулись под знамя Эберта.

В России меньшевистские и эсеровские патриоты, всеми мерами противодействовавшие революции во имя обороны, были подняты революцией к власти. Большевистская партия, несмотря на полтора десятилетия беспримерной воспитательной, организационной и боевой работы, оказалась, на первых порах, в незначительном меньшинстве. Готовая в любой момент выступить на левом фланге против всякой попытки контр-революции, она взяла в то же время курс беспощадной идейной борьбы с партиями, оказавшимися против своей воли „во главе революции“. Только благодаря этому стал возможен Октябрь.

Раскол британских независимых с Макдональдом и Томасом за пять минут до звонка не исключен. Не исключен, в случае бурного развития событий, и приход центристов к власти. Можно не сомневаться, что в этом случае они будут умолять Макдональда и Вебба разделить с ними ношу. Можно не сомневаться, что Макдональд — сам или через Томаса — будет тем временем вести переговоры с Джойнсоном Хиксом. Могучий аппарат для ликвидации пролетарской полупобеды будет приведен в движение. Очень возможно, что среди левых начнется новый раскол. Но развитие пойдет по „русскому“, а не по „немецкому“ пути лишь в том случае, если налицо будет массовая коммунистическая партия, вооруженная отчетливым пониманием всего хода развития.

28 декабря.

„Левый“ критик, однако, как раз и обвиняет нас в том, что мы ставим ставку на британскую коммунистическую партию. Это не значит, что сам он ее отвергает начисто. Нет, позиция левого — без руля и без ветрил — в том и состоит, что он ничего начисто не признает и ничего целиком не отвергает. Здесь мы вынуждены снова привести цитату: „Вместо того чтобы постараться переродить массы, они (коммунисты) пытались подогнать их дубиной, и массы решительно недовольны этим. Поразительное свидетель-

ство в пользу правильности защищаемых ими принципов заключается в том, что, несмотря на всю их безнадежно неправильную тактику, несмотря на их низкие выходы против друзей и врагов, несмотря на их глубочайшее незнание тех масс, которыми они желают руководить, они все же имеют большое влияние. Если рабочие присоединятся к ним, то они делают это с отчаяния, потому что не видят другого выхода, — не потому, что они одобряют партию, какова она сейчас, а потому, что они вынуждены принять ее выводы“.

Это место поистине замечательно, как вынужденное свидетельство противника в пользу тех идей и методов, против которых он ведет борьбу. Внутренняя сила коммунизма оказывается так велика, что все большее число рабочих примыкает к нему, несмотря на „низкий“ характер коммунистов. — Но рабочие делают это с отчаяния! — восклицает наш критик тоже, повидимому, не без отчаяния. Совершенно правильно, что рабочие приходят — и чем дальше, тем больше — в настоящее „отчаяние“ от негодного, предательского или трусливого или беспутного руководства. Да и нельзя думать, что британские рабочие, с их долголетними традициями либеральной политики, парламентаризма, компромиссов, национального самомнения и пр., могут сознательно встать на революционный путь иначе, как отчаявшись до конца в той самой политике, которая раньше кое-что давала им и, во всяком случае, успешно обманывала их. Здесь критик подошел к узловому пункту. В том и состоит сила коммунистической партии, что, несмотря на ее малочисленность, неопытность и ошибки, обстановка все больше вынуждает рабочие массы прислушиваться к ней.

Австралийский премьер Брюс, защищая свою политику выслок революционных рабочих лидеров, сказал накануне последних выборов: „Коммунистическая партия Австралии имеет менее тысячи членов, но она способна руководить четырьмястами тысяч рабочих в республике“. „Таймс“ с большой похвалой цитирует эти слова (см. передовицу от 12 ноября 1925 г.). Говоря об Австралии, лондонский „Таймс“ имеет в виду, конечно, и Англию. Чтобы подчеркнуть это, газета с грубой откровенностью заявляет: „Правда в том, что рабочие лидеры Австралии в большинстве своем не только умеренны в своих взглядах, но столь же умеренны и в своих способностях. Руководство партией все больше и больше переходит в руки необузданных“. По-русски это зо-

вется: „кошку бьют, а пестике наветки дают“. Мы вполне готовы согласиться с газетой, что способности официальных лидеров британской рабочей партии („Таймс“ намекает на нее) столь же умеренны, как и их воззрения. Но в конце концов самостоятельных способностей от них и не требовалось: они проводили волю и идеи английской буржуазии в среде рабочего класса. Они были „искусны“ до тех пор, пока буржуазия была могущественна. Мы должны сказать, что сам мудрый „Таймс“, когда он говорит заплетающимся языком о взаимоотношении Соединенных Штатов и Англии, кажется нам несколько глуповатым. Это происходит от внутреннего сознания слабости, от стремления сохранить видимость силы, от сдерживаемого скрежета зубов. В конце концов, причиной упадка „Таймса“, как и обнаружения скромных способностей Макдональда, является плохой торговый и расчетный баланс Великобритании. А поскольку над разрушением британского баланса работают самые могущественные исторические силы, можно не сомневаться, что рабочие массы будут все больше впадать в отчаяние от своих старых вождей и подпадать под влияние „необузданных“.

5 января 1926 г.

В американском издании с претензиями на марксизм и даже на коммунизм („Freiheit“) осудительно указывают на то, что, критикуя английских центристов, я де упустил из виду ту „революцию“, которая уже произошла в английских трэд-юнионах.

Здесь незачем ссылаться на то, что причины и перспективы эволюции трэд-юнионов намечены в главе „Трэд-юнионы и большевизм“. Незачем здесь повторять азбучную мысль, что без поворота рабочего класса, а следовательно и его трэд-юнионов, на революционный путь не может быть и речи о завоевании власти пролетариатом. Но было бы величайшим срамом отмахиваться от борьбы с оппортунизмом на верхах ссылками на глубокие революционные процессы, происходящие в рабочем классе. Такой якобы „углубленный“ подход целиком вытекает из непонимания роли и значения партии в движении рабочего класса, особенно в революции. Именно центризм всегда прикрывал и прикрывает оппортунистические грехи глубокомысленной ссылкой на объективные тенденции развития. Стоит ли тратить время и энергию на борьбу с путаниками вроде Уитли, Брельсфорда, Перселя, Кирквуда и др., раз в пролетариате нарастают революционные стре-

ления, раз трэд-юнионы поворачивают в сторону сотрудничества с советскими профсоюзами и проч.? На самом деле в мнимом революционном объективизме выражается лишь стремление увильнуть от революционных задач, переложив их на плечи так называемого исторического процесса.

Опасность такого рода тенденций особенно велика именно в Англии. Вчера надо было доказывать, что объективные условия работают там в революционном направлении. Повторять и повторять это сегодня значит ломиться в открытую дверь. Раствущий перевес Америки; ноша долгов и военных расходов; индустриализация колоний, доминионов и вообще запоздалых стран; экономическое укрепление Советского Союза и рост его притягательной революционной силы; освободительное движение угнетенных наций—все это такие факторы, которые растут. Через неизбежные колебания конъюнктуры британский капитализм идет к катастрофе. Ясно, какие это означает сдвиги в соотношении и сознании классов. Но объективные предпосылки пролетарской революции готовятся и назревают гораздо быстрее, чем предпосылки субъективные. Вот это надо прежде всего понять *сегодня*.

Опасность не в том, что буржуазия снова умиротворит пролетариат, не в том, что перед трэд-юнионами откроется снова эпоха либеральной рабочей политики: Соединенные Штаты монополизировали для себя возможность привилегированного положения широких кругов пролетариата. Опасность с другого конца: *формирование пролетарского авангарда может отстать от развития революционной ситуации*. Поставленный перед необходимостью решающих действий, пролетариат может не найти во главе себя необходимого политического руководства. Дело идет о *партии*. Это вопрос всех вопросов. Самая зрелая революционная ситуация без революционной партии надлежащего роста, без правильного руководства, то же, что нож без лезвия. Это мы видели осенью 1923 года в Германии. Большевицкая партия в Англии может складываться только в постоянной, непримиримой борьбе с центризмом, идущим на смену либеральной рабочей политике.

6 января.

Борьба за единый фронт именно потому имеет такое значение в Англии, что она отвечает элементарной потребности рабочего класса в новой ориентировке и группировке сил. Тем самым

борьба за единый фронт ставит проблему руководства, т.е. программы и тактики, а это значит—партии. Но сама по себе борьба за единый фронт этой задачи не разрешает, а только создает некоторые условия для ее разрешения. Идейное и организационное формирование подлинно революционной, т.е. коммунистической партии, на основе движения масс, мыслимо только при условии постоянного, систематического, непреклонного, неутомимого и непримиримого разоблачения квази-левых вождей всех оттенков, их путаницы, их компромиссов, их недоговоренностей. Было бы грубейшей ошибкой думать—а это наблюдается,—что задача борьбы за единый фронт состоит в том, чтобы доставить Перселю, Ленсбери, Уитли и Кирквуду победу над Сноуденом, Веббом и Макдональдом. Такая цель заключала бы в себе внутреннее противоречие. Левые путаники, неспособны к власти; а если бы—ходом вещей—она попала к ним в руки, они поспешили бы передать ее старшим братьям справа. Они сделали бы в государстве то самое, что ныне делают в партии.

История немецких независимых—напомним снова—дает на этот счет поучительнейшие уроки. В Германии процесс проходил более быстрым темпом, в соответствии с непосредственно революционным характером последних лет немецкой истории. Но общие тенденции развития одинаковы, называется ли Макдональд Эбертом, или же Уитли и Кук именуются Криспином и Гильфердингом. То обстоятельство, что пошлейший мещанин Гильфердинг все еще ссылается на Маркса, тогда как Уитли отдает предпочтение святейшему римскому отцу, вытекает из особенностей прошлого Англии и Германии, но имеет десятистепенное значение для сегодняшнего дня.

7 января.

Левая фракция на верхушке трэд-юнионов ведет за собой в ряде вопросов Генеральный Совет. Это ярче всего выражается в отношении к советским профсоюзам и Амстердаму. Но было бы ошибочно переоценивать влияние этих левых на трэд-юнионы, как на организации классовой борьбы. Не потому, что массы трэд-юнионов недостаточно радикальны, наоборот, массы неизмеримо левее самых левых. Международные вопросы всегда были в английском рабочем движении линией наименьшего сопротивления для „вождей“. Рассматривая международные дела как своего рода отдушину для радикального настроения масс,

господа вожди готовы до известной степени склониться перед революцией (у других), чтобы взять тем более верный реванш на вопросах внутренней классовой борьбы. Левая фракция Генерального Совета отличается полной *идеиной* бесформенностью и именно поэтому неспособна *организационно* закрепить за собою руководство профессиональным движением.

Этим же объясняется бессилие левых в составе рабочей партии. Последняя опирается ведь на те же трэд-юнионы. Казалось бы, левая фракция, „ведущая“ за собой Генеральный Совет, должна бы наложить руки и на рабочую партию. А на деле видим совсем иное. Партией продолжают руководить крайние правые. Объясняется это тем, что партия не может ограничиваться отдельными левыми вылазками, а вынуждена иметь законченную систему политики. У левых такой системы нет и, по самой их сути, быть не может. У правых — есть: за ними традиция, опыт, рутина, а главное, за них думает буржуазное общество в целом и подсовывает им готовые решения. Макдональду приходится только переводить внушения Болдуина или Ллойд-Джорджа на фабианский язык. Правые побеждают, несмотря на то, что левые многочисленнее. Слабость левых — от их разброда, а разброд — от идейной бесформенности. Чтобы собрать свои ряды, левым надо бы, прежде всего, собрать свои мысли. Сделать это лучшие из них способны только под ударами беспощадной критики, опирающейся на повседневный опыт масс.

12 января.

Не только наш „левый“ критик в своем письме, но и более ответственные лидеры левых — Персель, Кук и Бромлей — еще 27 сентября предсказывали, что съезд рабочей партии ознаменуется большим сдвигом влево. Оказалось наоборот: ливерпульский съезд партии, отделенный несколькими неделями от скарборо-росского съезда профсоюзов, дал полную победу Макдональду. Игнорировать этот факт, замалчивать его, преуменьшать его или объяснять случайными второстепенными причинами, — значило бы валять дурака и идти навстречу поражениям.

У партии в основном та же база, что и у верхушки трэд-юнионов. Но Генеральный Совет, полномочия которого крайне ограничены, не имеет власти над отдельными трэд-юнионами, ли тем более — над страной. Рабочая же партия уже стояла у власти и собирается встать снова. В этом суть дела.

Либеральная „Манчестерская Газета“ писала по поводу конгресса в Скарборо, что влияние Москвы сказывается только в левой фразеологии, на практике же трэд-юнионы остаются под руководством мудрых и опытных вождей. Конечно, либеральная газета нуждается в утешениях. Но в утверждении ее есть все же доля истины, и немалая. Решения конгресса тем левее, чем дальше от очередных практических задач. Конечно, левизна решений симптоматична, знаменуя поворот в сознании масс. Но думать, что деятели конгресса в Скарборо могут стать вождами революционного переворота, значило бы баюкать себя иллюзиями. Достаточно напомнить, что за право угнетенных наций на самоопределение, вплоть до отделения, голосовало 3.802.000 голосов; против—только 79.000. Какой, казалось бы, колоссальный революционный сдвиг! Между тем, за создание заводских комитетов—не за вооруженное восстание, не за всеобщую стачку, а всего-навсего за создание фабричных комитетов, и притом лишь „в принципе“—голосовало всего 2.183.000, против—1.787.000; другими словами, конгресс разделился почти пополам. По вопросу же о расширении полномочий Генерального Совета левые потерпели полное поражение. Немудрено, если после всех левых резолюций новый Генеральный Совет оказался более правым, чем старый. Надо твердо понять: левизна такого рода остается левизной до тех пор, пока она практически ни к чему не обязывает. Как только возникает вопрос о действии, левые почтительно уступают руководство правым.

13 января.

Стихийная радикализация трэд-юнионов, знаменующая глубокий сдвиг в массах, сама по себе совершенно недостаточна, для того чтобы освободить рабочий класс от руководства Томаса и Макдональда. Национально-буржуазная идеология представляет в Англии могучую силу—не только общественного мнения, но и вековых учреждений. Об эту силу разбивается и будет разбиваться „радикальный“ трэд-юнионизм, поскольку он возглавляется центристами, не сведшими концов с концами.

В то время как трэд-юнионы братаются с советскими профессиональными союзами, стоящими под руководством коммунистов, британская рабочая партия, опирающаяся на те же трэд-юнионы, изгоняет в Ливерпуле английских коммунистов из своей среды, подготовляя тем правительственно-фашистский разгром их орга-

низаций. Было бы преступлением забывать хоть на один день, что такие левые, как Брельсфорд и даже Ленсбери, по существу дела, одобрили постановление ливерпульского конгресса, виня во всем коммунистов. Правда, когда снизу обнаружилось возмущение реакционно-полицейским духом Ливерпуля, „левые“ лидеры слегка переменяли курс. Но для оценки их надо брать оба момента. Революционерам нужна хорошая память. Своей линии у господ „левых“ нет. Они и впредь будут качаться вправо под давлением буржуазно-фабианской реакции и влево — под давлением масс. В трудные минуты эти благочестивые христиане всегда готовы сыграть роль если не Ирода, то Понтия Пилата, а перед английским рабочим классом впереди много трудных минут.

* * *

В независимой рабочей партии есть движение в пользу объединения Второго и Третьего Интернационалов. Но попробуйте тех же людей спросить, согласны ли они не то что на объединение, а на боевое соглашение с британскими коммунистами, и они сейчас же отпрянут назад. Во всем, касающемся революции, у британских левых господствует „любовь к дальнему“. Они за Октябрьскую революцию, за Советскую власть, за советские профессиональные союзы, даже за сближение с Коминтерном, но под тем неперменным условием, чтобы британская конституция, система парламентаризма и система рабочей партии не потерпели бы ущерба. Против этой отвратительной двуличной политики левых и нужно направить главный удар.

К этому надо прибавить: в симпатиях многих левых к Советскому Союзу (при враждебности к собственным коммунистам) заключается большая доля респекта мелкого буржуа перед крепкой государственной властью. Об этом забывать не нужно. Конечно, мелкий буржуа, повернувшийся лицом к Советской Республике, прогрессивнее того мелкого буржуа, который стоит на коленях перед Соединенными Штатами. Это шаг вперед. Но революционных перспектив на этом респекте строить нельзя.

25 декабря 1925 г.

Иностраный коммунист, хорошо знающий Англию и лишь недавно ее покинувший, писал мне на-днях: „В бытность мою в Англия я имел многократные беседы на тему об английской революции с некоторыми видными левыми вождями. Я вынес

приблизительно такую картину: они уверены, что в ближайшем будущем добьются большинства в парламенте и начнут осторожное, но решительное проведение максимальных требований рабочего класса, как национализация шахт, некоторых других отраслей промышленности, банков и пр. Если же промышленники и банкиры посмеют сопротивляться, о, тогда они будут сейчас же арестованы, а предприятия их национализированы. На мой вопрос: что в таком случае будет делать фашистская буржуазия, в руках которой находятся армия и флот,—мне отвечали: в случае вооруженного сопротивления со стороны фашистов, их объявят „вне закона“, и английский народ в своем подавляющем большинстве пойдет за рабочей партией на защиту законного правительства. Когда я указал: раз неизбежно придется прибегнуть к оружию, то следовало бы готовить уже сейчас рабочий класс к такой развязке, чтобы вооруженные силы буржуазии не захватили его врасплох,—мне ответили: такая подготовка будет преждевременным сигналом к гражданской войне и помешает рабочей партии добиться большинства в парламенте. На вопрос: на какой стороне баррикады будут Макдональд, Сноуден, Томас и их друзья,—мне ответили: вероятнее всего, на стороне буржуазии. — Почему же вы работаете вместе с ними против коммунистов для укрепления такого руководства партии, которое в критический момент изменит рабочему классу? На это последовал ответ: мы думаем, что нам все равно (!) удастся удержать большинство рабочего класса за собой, и что откол Макдональда и его либеральных друзей совершенно не угрожает благополучному концу мирной революции“.

Эта страничка личных впечатлений и бесед поистине драгоценна. Люди заранее твердо решили притти к власти не иначе, как через ослиные ворота, которые им указал вооруженный до зубов враг, стоящий у этих ворот на страже. Если они, левые, возьмут власть (через указанные ворота), и если буржуазия против законной власти восстанет, то этого добрый английский народ не потерпит. А если Макдональд и Томас, которых мудрые левые несут на спине, окажутся случайно в заговоре с вооруженной буржуазией против безоружных рабочих, то это не должно никому внушать опасений, ибо у левых предусмотрена победа и в этом случае. Одним словом, храбрецы и мудрецы твердо решились победить буржуазию при всех комбинациях, оставаясь при этом в наилучших отношениях с парламентом,

законом, судом и полисеменом. Жаль только, что буржуазия не намерена сдавать левым преимущества легальной экспроприации власти. Выдвигая фашистское крыло тем более энергично, чем непосредственное будет угрожать гражданская война, буржуазия найдет достаточные средства провокации, легального государственного переворота и пр. Вопрос, в конце концов, идет не о том, кто лучше истолковывает законы и традиции, а о том, кто хозяин в доме.

* * *

В высшей степени знаменательна та дискуссия, которая разгорелась недавно в английской рабочей печати по вопросу о самообороне. Самый вопрос встал не как вопрос вооруженного восстания для захвата власти, а как вопрос отпора стачечников штрейкбрехерам и фашистам.

Мы в свое время показали уже, как трэд-юнионизм логикой развития — особенно в условиях капиталистического упадка — неизбежно разбивает рамки демократии. Нельзя по произволу отложить классовые столкновения до завоевания парламентского большинства. Теснимая собственным упадком, буржуазия давит на пролетариат. Последний обороняется. Отсюда неизбежные стачечные столкновения. Правительство готовит в небывалом ранее размере штрейкбрехерские организации. Фашисты смыкаются с полицией. Рабочие ставят вопрос о самообороне. Здесь уже полностью заложена гражданская война.

Рабочий пишет в еженедельнике Ленсбери: „Фашизм есть попросту военная организация, и доводами ее не проймешь. Преодолевать ее можно только соответственной организацией с нашей стороны“. Автор рекомендует взять военную организацию фашизма в качестве образца. Правильно: пролетариат может и должен учиться у врага военному делу.

Из того же источника — объективного обострения классовых противоречий — вырастает стремление рабочих привлечь на свою сторону солдат. Агитация в армии и флоте есть второй могущественный элемент гражданской войны, развитие которого не стоит в непосредственной связи с завоеванием парламентского большинства. Переход значительной части вооруженных сил на сторону рабочих может обеспечить завоевание власти пролетариатом и без парламентского большинства. Самое большое рабочее большинство в парламенте может быть уничтожено, если вооружен-

1068525
 1068525
 1068525

ная сила в руках буржуазии. Кто не понимает этого, тот не социалист, а болван.

Против лозунга вооружения левые мудрецы наскребли все предрассудки и пошлости прошлых столетий: и преимущества морального фактора над силой, и выгоды постепенных реформ, и анархо-пацифистскую идею мирной всеобщей стачки, которая им нужна не как средство борьбы, а как довод против восстания, и героическую готовность — допустить насилие в так называемом „крайнем случае, когда нас вынудят“, т.-е., очевидно, когда враг, захватив нас врасплох, прижмет безоружными к стенке.

5 марта 1926 г. (Из письма.) *

...В Англии, более чем во всей остальной Европе, сознание рабочих масс, особенно их руководящих слоев, отстает от объективной экономической обстановки. Именно по этой линии лежат сейчас главные трудности и опасности. Все оттенки верхов английского рабочего движения боятся действий потому, что историческая безвыходность английского капитализма каждый сколько-нибудь крупный вопрос рабочего движения ставит ребром. Особенно это относится к угольной промышленности. Нынешняя заработная плата углекопов держится дотацией государства, обременяющей и без того непосильный бюджет. Продолжать дотацию — значит накапливать и углублять экономический кризис. Отказаться в дотации — значит вызвать социальный кризис.

Необходимость технической и экономической перестройки угольной промышленности стоит как глубоко революционная проблема и поэтому требует политической „перестройки“ рабочего класса. Прити к разрушению консерватизма английской угольной промышленности, этой основы английского капитализма, можно только через разрушение консервативных организаций, традиций и навыков в английском рабочем движении. Англия входит в целую историческую полосу величайших потрясений. Ждать „экономного“ разрешения вопроса могут только консервативные английские трэд-юнионисты. Но именно потому, что английские трэд-юнионисты направляют свои силы на „экономное“ (т.-е. мирное, соглашательское, консервативное) разрешение вопроса, т.-е. идут наперекор историческому процессу, в Англии революционное развитие рабочего класса будет иметь в ближайшую эпоху больше накладных расходов, чем в какой-либо другой стране.

И правые и левые, считал, конечно, и Персели и Куна, боятся начала развязки до последней степени. Даже когда они на словах признают неизбежность борьбы и революции, в душе они надеются на какое-либо чудо, которое освободит их от этой перспективы. Во всяком случае, они сами будут тормозить, увливать, выкидывать, ссылаться на других и фактически помогать Томасу во всяком действительно крупном вопросе *английского* рабочего движения (насчет *международных* вопросов они куда смелее!).

Отсюда общую обстановку можно характеризовать так. Экономический тутик страны, наиболее ярко выраженный в угольной промышленности, толкает рабочий класс на путь поисков выхода, т.-е. на путь все более и более острой борьбы. При чем первый же ее этап неизбежно обнаружит недостаточность „привычных“ методов борьбы. Вся нынешняя „настройка“ британского рабочего класса — во всех без исключения оттенках и группировках — является аппаратом революционного торможения. Это предвещает на длительный период напор стихийного и полустихийного движения на рамки старых организаций и формирование на основе этого напора новых революционных организаций.

Одна из важнейших задач — помочь британской коммунистической партии понять и продумать насквозь эту перспективу. В аппарате трэд-юнионов и среди их левого крыла надо несравненно более энергично и решительно, чем до сих пор, выделять элементы *действия*, т.-е. те элементы, которые способны понять неизбежность больших массовых боев, не бояться их, идти им навстречу. Тактика единого фронта должна все больше и решительнее ставиться под знак этой перспективы.

В отношении углекопов дело, конечно, идет не об изолированной стачке, хотя бы и крупной, а о начале целой серии социальных битв и потрясений. В этой обстановке ориентироваться по соображениям Персели и других, разумеется, нельзя. Они больше всех должны бояться борьбы. В лучшем случае их мысли и слова могут иметь в наших глазах значение некоторого симптома.

Английские профсоюзы не меньше боятся (в лице своей бюрократии, даже и левой) нашего „вмешательства“ в их внутренние дела, чем Чемберлен.

Элементов торможения в аппаратах английского рабочего класса сколько угодно. Вся обстановка резюмируется в том, что

тревога, недовольство, напор английских рабочих масс по всем линиям наталкиваются на организационные и идейные преграды аппаратного консерватизма. В этих условиях заботиться о том, как бы не помочь нетерпеливым вождям, значит поистине лить воду в океан.

Все говорит за то, что в ближайший период (я имею в виду год-два-три) борьба разразится в Англии против воли старых ее организаций и при полной неподготовленности организаций молодых. Конечно, даже при твердой революционной (т.-е. действенной) установке коммунистической партии и лучших „левых“ элементов, нельзя предполагать, чтобы пролетариат пришел к власти в результате уже первой большой волны. Но вопрос таков: пройдет ли это левое крыло через первый революционный этап во главе рабочих масс, как мы прошли через 1905 год, или же прозревает революционную ситуацию, как немецкая партия в 1923 году. Эта последняя опасность в высшей степени реальна. Уменьшить ее можно только, помогая действенной ориентировке левого крыла (*действительно* левого крыла, а не Ленсбери и не Перселя). А чтобы разрешить эту задачу (задачу содействия правильной ориентировке революционных элементов в Англии), надо ясно понять, что все традиции, организационные навыки, идеи всех оформленных группировок рабочего движения — в разных формах и под разными лозунгами — предрасполагают их либо к прямому предательству, либо к соглашательству, либо к выжиданию и пассивности, с ссылками на соглашателей и жалобами на предателей.

6 мая. (Из предисловия ко второму немецкому изданию книги „Куда идет Англия?“.)

Год тому назад консервативное министерство все еще проходило через свои медовые недели. Болдуин проповедывал социальный мир. Не будучи в состоянии что-либо противопоставить консерватизму, Макдональд соперничал с ним в ненависти к революции, гражданской войне и классовой борьбе. Вожди всех трех партий объявляли учреждения Англии совершенно достаточными для того, чтобы обеспечить мирное сотрудничество классов. Естественно, если революционный прогноз насчет завтрашнего дня Британской империи объявлялся всей британской печатью — от „Morning Post“ до „Еженедельника Ленсбери“ — безнадёжным вздором и московской фантазмагорией.

Сейчас положение выглядит несколько иначе. Англия потрясается величайшей массовой стачкой. Консервативное правительство ведет политику бешеного натиска. Сверху делается все, чтобы вызвать открытую гражданскую войну. Противоречие между основными социальными фактами и ложью пережившего себя парламентаризма вскрылось в Британии как еще никогда.

Массовая стачка выросла из несоответствия между нынешним положением британского хозяйства на мировом рынке и традиционными производственными и классовыми отношениями внутри страны. Формально вопрос шел о снижении заработной платы углекопов, об удлинении их трудового дня, о возложении на рабочих части жертв, необходимых для серьезной реорганизации угольной промышленности. Но в такой постановке вопрос неразрешим. Совершенно верно, что без жертв, и притом крупных жертв, со стороны английского пролетариата угольная промышленность, как и все вообще британское хозяйство, не может быть реорганизована. Но только жалкий глупец может думать, что английский пролетариат согласится взять на себя эти жертвы на старых основах капиталистической собственности.

Капитализм изображался как строй неизменного прогресса и систематического улучшения судьбы трудящихся масс. Он до известной степени был таким, по крайней мере, для некоторых стран в течение XIX столетия. В Англии религия капиталистического прогресса была сильнее чем где бы то ни было. Именно она составляла основу консервативных тенденций в самом рабочем движении, особенно в трэд-юнионах. Военные иллюзии в Англии (1914 — 1918 гг.), более чем где бы то ни было, были иллюзиями капиталистического могущества и социального „прогресса“. В победе над Германией эти надежды должны были найти свое полное увенчание. И вот теперь буржуазное общество говорит углекопам: „если вы хотите обеспечить себе хотя бы такое существование, какое вы вели до войны, вы должны, в течение неопределенного времени, мириться с ухудшением всех условий вашей жизни“. Вместо недавней перспективы непрерывного социального прогресса углекопам предлагают спуститься сегодня на одну ступеньку ниже, чтобы не быть вынужденными спуститься завтра сразу на три ступеньки и более. Этим британский капитализм объявляет себя банкротом. Всеобщая стачка есть ответ пролетариата, который не хочет и не

может допустить, чтобы банкротство британского капитализма означало банкротство британской нации и британской культуры.

Этот ответ продиктован, однако, гораздо больше логикой положения, чем логикой сознания. У английского рабочего класса не было другого выбора. Борьба — какова бы ни была закулисная механика — была навязана механическим давлением всей обстановки. Мировое положение британского хозяйства не оставляло для добровольного компромисса никакой материальной базы. Томасы, Макдональды и пр. оказались в положении мельниц, которые при сильном ветре размахивают крыльями, не давая ни фунта помола, за отсутствием зерна. Безнадежная пустота нынешнего британского реформизма оказалась вскрытой с такой убедительностью, что реформистам не осталось ничего иного, как принять участие в массовой стачке британского пролетариата. В этом оказалась сила стачки. Но также и слабость ее.

Всеобщая стачка является самой острой формой классовой борьбы. Дальше следует уже только вооруженное восстание. Именно поэтому всеобщая стачка, больше чем всякая другая форма классовой борьбы, нуждается в ясном, отчетливом, твердом, т.-е. революционном руководстве. Такого руководства у нынешней стачки британского пролетариата нет и в помине, и нельзя ждать, чтобы оно появилось сразу, в готовом виде, из-под земли. Генеральный Совет трэд-юнионов начал со смехотворного заявления, что нынешняя всеобщая стачка не является *политической* борьбой и уж ни в каком случае не представляет собою посягательства на государственную власть банкиров, заводчиков и ленд-лордов и на священный британский парламентаризм. Это верно-подданнейшее объявление войны не кажется, однако, несколько убедительным правительству, которое чувствует, как у него, под действием стачки, уползают из рук реальные орудия господства. Государственная власть не „идея“, а материальный аппарат. Когда аппарат управления и подавления парализуется, тем самым парализуется и государственная власть. Нельзя в современном обществе властвовать, не имея в своих руках железных дорог, пароходного сообщения, почты и телеграфа, электрических станций, угля и пр. То обстоятельство, что Макдональд и Томас зарекаются от каких бы то ни было политических целей, характеризует их самих, но никак не природу всеобщей стачки, которая, будучи доведена до конца, ставит перед революционным классом задачу организации новой власти. Против этого, однако,

борются изо всех сил как раз те, которые ходом вещей поставлены „во главе“ всеобщей стачки. И в этом состоит главная опасность. Люди, которые не хотели всеобщей стачки, которые отрицают политический характер всеобщей стачки, которые больше всего боятся последствий победоносной стачки, — неизбежно должны направить все свои усилия на то, чтобы удержать ее в рамках полу-политической полу-стачки, т. е. обессилить ее. Нужно смотреть фактам в глаза: главные усилия официальных вождей рабочей партии и значительного числа официальных вождей трэд-юнионов будут направлены не на то, чтобы при помощи стачки парализовать буржуазное государство, а на то, чтобы при помощи буржуазного государства парализовать всеобщую стачку. Правительство, в лице своих наиболее твердокаменных консерваторов, хочет, несомненно, провоцировать гражданскую войну малого масштаба, чтобы иметь возможность применить меры устрашения прежде, чем борьба развернулась, и отбросить движение назад. Лишая стачку политической программы, разлагая революционную волю пролетариата, загоняя движение в тупик, реформисты тем самым толкают отдельные группы рабочих на путь разрозненных вспышек. В этом смысле реформисты идут целиком навстречу наиболее фашистским элементам консервативной партии. Такова главная опасность открывшейся борьбы.

Сейчас не время предсказывать ни длительность борьбы, ни ход ее, ни тем более исход. Надо сделать в международном масштабе все, чтобы помочь борющимся и тем облегчить условия их успеха. Но надо отдать себе ясный отчет в том, что успех этот возможен лишь в той мере, в какой британский рабочий класс, в процессе развития и обострения всеобщей стачки, сможет и сумеет обновить свой руководящий персонал. Американская пословица говорит, что нельзя пересаживаться с лошади на лошадь, когда едешь через быстрый поток. Но эта практическая мудрость верна только в известных пределах. На лошади реформизма никогда еще не удавалось переехать через революционный поток. И класс, который вошел в борьбу под оппортунистическим руководством, вынужден сменять его под огнем неприятеля. Этим предопределяется поведение действительно революционных элементов британского пролетариата, прежде всего коммунистов. Они всеми мерами будут поддерживать единство массового действия; но они не допустят и видимости единства с оппортунистическими вождями рабочей партии и трэд-

юнионов. Непримируемая борьба против каждого изменнического акта и покушения и беспощадное разоблачение реформистских иллюзий являются важнейшей составной частью работы подлинно революционных участников всеобщей стачки. Этим они не только служат основной и длительной задаче выработки новых революционных кадров, без чего вообще невозможна победа британского пролетариата, но и непосредственно содействуют успеху данной стачки, углубляя ее, вскрывая ее революционные тенденции, отодвигая в сторону оппортунистов и укрепляя положение революционеров. Результаты стачки — и непосредственные и более отдаленные — будут тем значительнее, чем решительнее революционная сила масс снесет заставы и рогатки контр-революционного руководства.

Стачка сама по себе не может изменить положение британского капитализма и, в частности, угольной промышленности на мировом рынке. Для этого необходима реорганизация всей британской экономики. Стачка является лишь острым выражением этой необходимости. Программа реорганизации британского хозяйства есть программа новой власти, нового государства, нового класса. В том и состоит основное значение всеобщей стачки, что она ребром ставит вопрос о власти. Действительная победа всеобщей стачки могла бы выразиться только в завоевании власти пролетариатом и в учреждении его диктатуры. В условиях безвыходности британского капитализма всеобщая стачка меньше чем когда-либо может быть орудием реформ или частных завоеваний. Точнее сказать, если бы шахтовладельцы или правительство пошли, под давлением стачки, на те или другие экономические уступки, то эти последние, в силу всей обстановки, не могли бы иметь ни глубокого, ни тем более устойчивого характера. Это вовсе не значит, однако, что нынешняя стачка стоит перед альтернативой: либо все, либо ничего. Если бы британский пролетариат имел руководство, сколько-нибудь отвечающее его классовой силе и зрелости условий, власть перешла бы из рук консерваторов в руки пролетариата в течение нескольких недель. Но на такой исход рассчитывать трудно. Это, однако, не значит, что стачка безнадежна. Чем шире она развернется, чем могущественнее потрясет основы капитализма, чем дальше отбросит предательских и оппортунистических вождей, — тем труднее будет переход в контр-наступление со стороны буржуазной реакции, тем меньше пострадают пролетарские организации, тем скорее наступит следующий, более решительный этап борьбы.

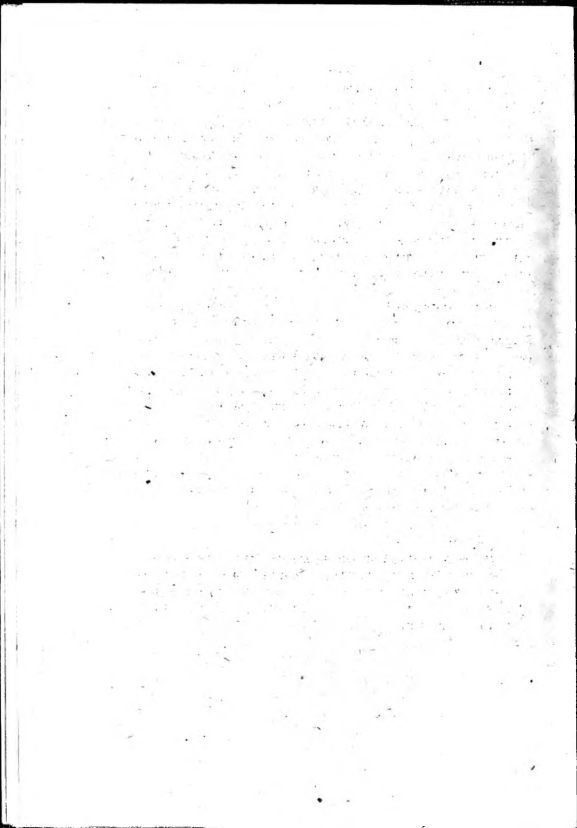
Уроки и последствия нынешнего столкновения классов, независимо даже от его ближайшего исхода, будут неизмеримы. Каждому пролетарию в Англии станет ясно, что парламент бессилен разрешить самые основные и жизненные задачи страны. Вопрос экономического спасения Британии встает отныне перед ее пролетариатом, как вопрос завоевания власти. Вся им промежуточным, посредническим, соглашательским, лже-пацифистским элементам будет нанесен смертельный удар. Либеральная партия, как бы ни вертелась ее вожди, выйдет из этого испытания еще более ничтожной, чем она вошла в него. Внутри консервативной партии перевес получают наиболее твердокаменные элементы. Внутри рабочей партии революционное крыло выигрывает в оформленности и во влиянии. Коммунисты решительно продвинулись вперед. Революционное развитие Англии сделает исполинский шаг к развязке.

В свете разворачивающейся ныне могущественной стачки вопросы эволюции и революции, мирного развития и насилия, реформ и классовой диктатуры со всей остротой захватят сознание сотен тысяч и миллионов британских рабочих. В этом не может быть никакого сомнения. Удерживавшийся буржуазией и ее фабианской агентурой в состоянии ужасающей идейной отсталости британский пролетариат несколькими львиными прыжками вырвется теперь вперед. Материальные условия Англии давно созрели для социализма. Стачка поставила в порядке дня смену буржуазного государства пролетарским. Если сама стачка и не даст этой смены, то она чрезвычайно приблизит ее. В какой именно срок, этого сказать, конечно, нельзя. Но нужно готовиться и к коротким срокам.

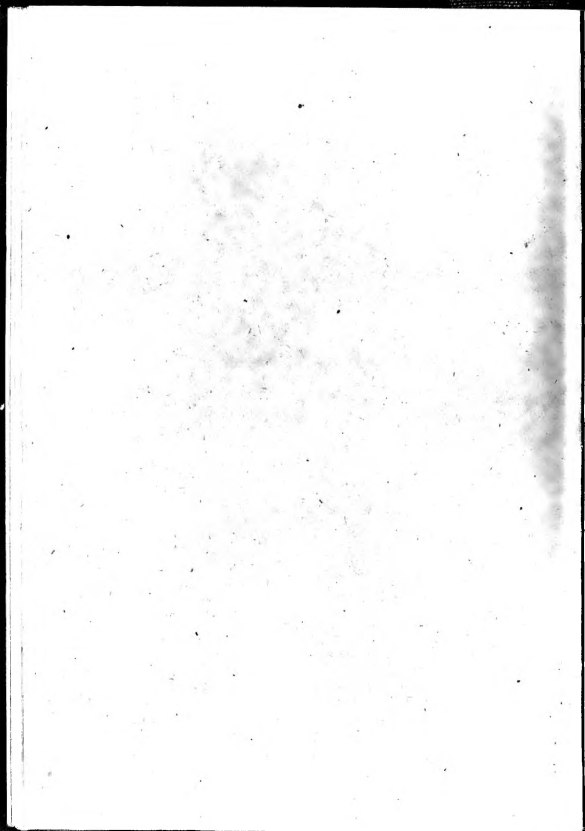
13 мая.

Поражение всеобщей стачки на данном этапе „закономерно“, т.-е. вытекает из всех условий ее возникновения и развития. Это поражение можно было предвидеть. Ничего обескураживающего в нем нет. Но об уроках поражения и об уроках самой всеобщей стачки позже.

Москва, 19 мая 1926 г.

ОТВЕТ КРИТИКАМ

О ТЕМЦЕ И СРОКАХ

За год, прошедший после написания книги „Куда идет Англия?“, события развивались отнюдь не по маршруту Болдуина или Макдональда. Прекраснодушные консервативного премьера вылиняло очень быстро. Коммунистов, исключаемых Макдональдом из рабочей партии, судьи короля Георга сажают в тюрьму, переводя партию на нелегальное положение. Те же судьи поощрительно хлопают по плечу молодых фашистских лоботрясов, рекомендуя нарушителям законов вступать в полицию, призванную охранять законы. Тем самым судьи свидетельствуют, что различие между фашистским нарушением и полицейским охранением закона касается лишь формы, но никак не существа. Фашисты — прекрасные граждане, но слишком нетерпеливы; их методы преждевременны. Классовая борьба еще не дошла до гражданской войны. Макдональд и Ленсбери еще служат свою службу, сдерживая пролетариат фикциями демократии и мифами религии. Фашизм остается в резерве. Но капиталистические политики понимают, что методами демократии дело не ограничится, и мистер Джойнсон Хикс примеряет наедине маску Муссолини.

Полицейская решительность правительства Болдуина с необходимостью дополняет его жалкую хозяйственную растерянность. Протекционизм консервативной партии так же немощен, как и свободная торговля либералов, перед лицом новых экономических факторов. Было ясно с самого начала, что протекционистские поуту натолкнутся на противоречия интересов основных отраслей британского хозяйства. Но мы не думали все же год тому назад, что покровительственная программа выродится в такой фарс. За это время пошлины введены на кружева, перчатки, музыкальные инструменты, газовые колпачки, перочинные ножи и клозетную бумагу. В этих отраслях промышленности занято не более 10.000 рабочих. А углекопов — 1.231.900. А официальных безработных —

1.215.900. Не слишком ли мистер Болдуин злоупотребляет... „постепенностью“?

Либеральная партия, крушение которой продолжает оставаться одним из наиболее ярких политических выражений социального упадка Британии, в большинстве своем отказалась от надежд на самостоятельную власть и на правом фланге мечтает о роли левого тормоза при консерваторах, тогда как левый фланг ее хотел бы справа поддерживать Макдональда, который, чем дальше тем больше, будет нуждаться в такой поддержке. Когда старый Асквит с иронией отзывается о выступлении Сноудена и Черчилля, из которых первый заывает либералов в рабочую партию, а второй — в консервативную, то мистер Асквит по-своему прав: умирать ли в качестве охвостья старых политических врагов или умирать на началах независимости, — разница не так уж велика.

Роль клики Макдональда за этот период достаточно характеризуется простым сопоставлением фактов. В 1924 году правительство Макдональда привлекало коммунистов по кагоржкому закону 1797 года (эпохи Великой Французской Революции!). В конце 1925 года Макдональд провел изгнание коммунистов из рабочей партии. Реакционнейший министр консервативного правительства, уже упомянутый выше Бенито Хикс, привлек коммунистов по тому же закону 1797 года и упрятал лидеров партии в тюрьму. Рабочие массы протестуют. Нечленораздельные звуки протеста вынуждена издавать и клика Макдональда. Против чего? Очевидно, против того, что конкурент Хикс отбивает у нее хлеб.

Ни экономика, ни политика Англии за последний год не дают повода вносить какие бы то ни было изменения в выводы нашей книги. Реагировать на зубовой скрежет буржуазной печати, английской и особенно американской, нет никакого основания. „Под маской новой книги, вопит одна из нью-йоркских газет, — автор учит американцев и англичан, как сделать восстание“. И газета требует решительных мер против книги, за отдаленностью автора. Здесь все в порядке вещей. Ответить не приходится. Ответят события. Единственное, чему я научился из критики британской буржуазной печати, это — то, что мистер Уинстон Черчилль еще не лорд, как я полагал ошибочно или, по крайней мере, преждевременно.

Официальная меньшевистская печать говорит по существу то же самое, только призыв к буржуазной полиции против „проповеди насилия“ имеет несколько более замаскированные формы.

Здесь тоже нет места для полемики. Гораздо интереснее для нас на данной стадии развития левая британская оппозиция. От литературных представителей ее мы, однако, услышим немного. „Если безумные московские тенденции могут найти у нас почву, то лишь благодаря своекорыстию нашей буржуазии, чрезмерной уступчивости руководителей рабочей партии“ и пр., и пр. Таков смысл статей Ленсбери, Брельсфорда и др. Готовый центристский штамп, мысли и обороты можно предсказать заранее. Надеяться со стороны этих господ на действительную попытку анализа фактов и доводов — примерно то же, что ждать от козла молока.

К счастью, у нас в руках есть документ, отличающийся значительно большей непосредственностью и, так сказать, свежестью. Русский товарищ, состоящий в переписке с деятелями английского рабочего движения, переслал мне два письма „левого“ члена независимой рабочей партии, направленные против моей книги „Куда идет Англия?“. Письма эти показались мне интереснее статей британских и иных „лидеров“, из коих одни разучились мыслить, а другие никогда и не умели. Этим я вовсе не хочу сказать, что автор писем рассуждает правильно. Наоборот, трудно себе представить больший хаос, чем тот, который царит в его мыслях, в чем, к слову сказать, сам он усматривает величайшее свое преимущество над законченными соглашателями вроде Макдональда и над нами, „догматиками“ революции. Мы достаточно хорошо знаем по русскому и международному опыту конфузионистов такого рода. Если тем не менее мы считаем критические письма „левого“, не предназначавшиеся для печати, более поучительными, чем прилизанные статьи спецов центризма, то именно потому, что в добросовестной эклектической путанице писем более непосредственно отражаются политические сдвиги в массах. Незачем говорить, что мы пользуемся письмами с любезного разрешения обоих корреспондентов, русского и английского.

Идейные группировки в английском рабочем движении, и особенно в его руководящем слое, можно распределить по трем основным линиям. Руководящее место в рабочей партии, как показала снова ливерпульская конференция, занимают правые. Отбросы буржуазных теорий XIX века, преимущественно первой его половины, составляют официальную идеологию этих господ, которые не остаются ни перед чем в защите основ буржуазного общества. На другом полюсе стоит маленькое меньшинство коммуни-

стов. К победе английский рабочий класс придет только под руководством большевистской партии. Сегодня она еще ходит в детских башмаках. Но она растет и может вырасти быстро.

Между этими двумя предельными группировками, как меж берегами, располагается бесчисленное количество оттенков и течений, которые сами по себе не имеют будущего, но готовят его. „Теоретики“ и „политики“ этого широкого среднего течения рекрутируются из эклектиков, сентименталистов, истерических человеколюбцев, всевозможных вообще путаников. Эклектика у одних является законченным жизненным призванием, у других — этапом развития. Оппозиционное движение, возглавляемое левыми, полу-левыми и крайне-левыми, отражает глубокий социальный сдвиг в массах. Но междуличность английских „левых“, их теоретическая бесформенность, их политическая нерешительность, чтобы не сказать — трусость, делают хозяином положения клику Макдональда, Веббов и Сноудена, которая, в свою очередь, невозможна без Томаса. Если верхи английской рабочей партии являются уздой, надетой на рабочий класс, то Томас есть пряжка, в которую буржуазия вдевает вожжу.

Нынешняя стадия в развитии английского пролетариата, когда подавляющее большинство его сочувственно откликается на речи „левых“ и поддерживает у власти Макдональда и Томаса, не является, конечно, случайной. Перескочить через эту стадию нельзя. Путь коммунистической партии, как будущей великой партии масс, лежит не только через непримиримую борьбу с агентурой капитала в лице клики Томаса - Макдональда, но и через систематическое разоблачение левых путаников, при посредстве которых Макдональд - Томас только и могут сохранять свои позиции. В этом — оправдание нашего внимания к „левому“ критику.

* * *

Незачем говорить, что критик обвиняет нашу брошюру в прямолинейности, в механической постановке вопроса, в упрощении действительности и пр., и пр. „Через всю его (т.-е. мою) книгу проходит убеждение, что упадок Англии продлится еще в течение четырех - пяти (!) лет, прежде чем приведет к серьезным внутренним осложнениям“, тогда как, по мнению критика, ближайшие двенадцать месяцев будут вершиной кризиса, после чего „дальнейшее развитие в течение ближайшего десятилетия (!)

пойдет без крупных затруднений*. Таким образом, критик сперва навязывает мне точное предсказание насчет обострения кризиса в течение четырех - пяти лет, а затем противопоставляет этому другое, еще более точное предсказание, которое делит ближайший период английской истории на два периода: двенадцать месяцев обостряющегося кризиса и десять лет спокойного преуспеяния.

В письме не содержится, к сожалению, никакой экономической мотивировки. Для того чтобы придать пророчеству насчет кризисного года и благополучного десятилетия экономический смысл, остается допустить, что автор связывает свой прогноз с нынешними острыми финансовыми затруднениями, вытекающими из перехода на золотую валюту и урегулирования вопроса о долгах. Экономический кризис автор сводит, очевидно, к дефляционному кризису и именно потому отводит ему столь короткий срок. Вполне вероятно, что после преодоления наиболее тяжелых финансово-кредитных затруднений действительно наступит известное облегчение на денежном рынке, а следовательно и в торгово-промышленном обороте. Но общий прогноз нельзя основывать на такого рода колебаниях второстепенного, по существу, характера. И уж во всяком случае совершенно ни из чего не вытекает предсказание насчет благополучного десятилетия. Основные затруднения Англии коренятся, с одной стороны, в перегруппировке и передвижке мировых хозяйственных и политических сил, а с другой стороны, во внутреннем консерватизме английской промышленности.

Неизмеримый промышленный и финансовый перевес Соединенных Штатов Северной Америки над Англией есть факт, значение которого будет в дальнейшем только возрастать. Нет и не может быть таких обстоятельств, которые могли бы ослабить убийственные последствия, вытекающие для Англии из ни с чем не сравнимого американского превосходства.

Развитие новейшей техники, в частности растущее значение электрификации, направляется непосредственно против угольной, а косвенно — против всей вообще крайне консервативной британской промышленности, базирующейся главным образом на угле.

Рост промышленной и политической самостоятельности Канады, Австралии и Южной Америки, вскрывшийся в полном объеме после войны, наносит метрополии все новые и новые удары. Из источника обогащения доминионы становятся для Англии источником народно-хозяйственного дефицита.

Национальное движение в Индии, в Египте, на всем Востоке в первую голову направлено против британского империализма. Вряд ли есть какие-либо основания надеяться на то, что движение это „через двенадцать месяцев“ станет ослабевать.

Существование Советского Союза — в этом можно согласиться с английскими консервативными и либеральными политиками — также включает в себе немалые экономические и политические затруднения для Великобритании. Нет опять-таки основания думать, что эти затруднения через двенадцать месяцев станут меньше.

Если так называемое умиротворение Европы продолжится, оно принесет с собою возрождение и усиление германской конкуренции. А если умиротворение сменится военным или революционным кризисом, этот последний ударит по хозяйству Великобритании.

Ближайший период будет, таким образом, создавать все более тяжкие условия для английского капитала и тем самым со все большей остротой ставить перед пролетариатом проблему власти. Никаких сроков я не назначал. Единственное на этот счет замечание в моей книге гласит, что революционное развитие английского рабочего класса будет измеряться скорее пятилетиями, чем десятилетиями. Этим я, разумеется, не хотел сказать, что социалистический переворот произойдет „через четыре года“ (хотя не считаю и это исключенным). Мысль моя была та, что перспектива революционного развития должна быть рассчитана не на ряд десятилетий, не на детей и внуков, а на ныне живущее поколение.

Тут я вынужден привести обширную цитату из письма „левого“ критика: „Троцкий почти все время говорит о десятилетиях. Можно ли говорить о десятилетиях в применении к экономической или даже политической ситуации? Я думаю, что ни в каком случае. Невозможно, как на это раньше указывал сам Троцкий, наметить и установить точную дату, когда начнется взрыв революции, и хотя он имел скорее в виду невозможность точно указать день (?), я считаю невозможным предсказать даже год (?). Революция прежде всего зависит от экономических факторов, *а экономических факторов, которые могут оказаться за или против революции в Англии, в настоящее время бесконечно много.* Революция могла вспыхнуть 1 августа 1925 года в результате кризиса в угольной промышленности. Революция может разразиться при возобновлении кризиса в мае будущего года. Революцию

может ускорить дальневосточный кризис, война, экономический крах других стран, близорукость некоторых промышленников в нашей стране, неумение правительства разрешить проблему безработицы, кризис еще и в других отраслях промышленности, помимо угольной, а также социалистическая пропаганда среди рабочих, повышающая их запросы и надежды. *Каждая из этих возможностей вполне вероятна в условиях настоящего времени и ни одна из них не может быть предсказана хотя бы за месяц.* Настоящее время характеризуется крайней экономической, а следовательно и политической неустойчивостью; один ход может испортить всю игру, но, с другой стороны, существующая система может искусственно продержаться еще много лет. Таким образом, британская революция, если понимать под ней политическую революцию, стоит под знаком неизвестности.

Путаница этих строк совершенно невообразима, и в то же время это не личная путаница, наоборот, она глубоко типична. Это — путаница людей, которые, „вообще говоря“, признают революцию, но которые до мозга костей боятся ее и для своего политического страха готовы принять любое теоретическое оправдание.

Присмотримся, в самом деле, к аргументации автора. Он ломится в открытую дверь, доказывая, что темп развития революции, а следовательно и ее срок зависят от взаимодействия многочисленных факторов и обстоятельств, как ускоряющего, так и замедляющего действия. Отсюда он делает сам по себе бесспорный вывод о невозможности предсказать срок революции. Но эту элементарнейшую мысль он умудряется формулировать так: Троцкий считает невозможным предсказать *день* революции, он же, мудрый критик, считает невозможным предсказать даже *год*. Это противопоставление кажется совершенно невероятным по своей ребячливости. Может даже показаться, что оно вообще не заслуживает ответа. Но на самом деле скрывается „крайних левых“, которые не продумали даже вчерне самых элементарных вопросов революции и для которых самый факт размышлений насчет дня и года представляет огромный шаг вперед, подобный, например, переходу от полной безграмотности к сбивчивому чтению по складам.

Если бы я считал, в самом деле, что нельзя определить заранее лишь день (?) революции, то я попытался бы, вероятно, определить неделю, месяц или год. Но я, кажись, не делал

такой попытки. Я указал лишь, что общественное развитие Англии вошло в революционную фазу. В конце прошлого столетия о революции в Англии можно было говорить лишь в рамках самого общего предвидения. В годы, непосредственно предшествовавшие империалистской войне, можно было уже уверенно указать ряд симптомов, свидетельствовавших о приближении поворотного момента. После войны этот поворот, и притом крутой, наступил. *В прошлом английская буржуазия, узнатая трудящихся и грабя колонию, вел нацию по пути материального роста и тем обесчечивала свое господство. Сейчас буржуазный режим не только неспособен вести британскую нацию вперед, но не может сохранить для нее уже достигнутый уровень.* Английский рабочий класс бьется в противоречиях капиталистического упадка. Нет ни одного вопроса хозяйственной жизни: национализация шахт, железных дорог, борьба с безработицей, свобода торговли или протекционизм, жилищное строительство и пр., который не вел бы непосредственно к вопросу о власти. Вот социально-историческая основа революционной ситуации. Разумеется, дело идет о борьбе живых исторических сил, а не об автоматическом накоплении количественных величин. Уже одно это делает невозможным пассивное предсказание этапов процесса и сроков развязки. Остается держать руку на пульсе английской экономики и политики и, ни на минуту не упуская общей перспективы, внимательно следить за всеми частными колебаниями, приливами и отливами, определяя их место в процессе капиталистического упадка. Только на основе такой общей ориентировки может революционная партия вести свою политику, гибкость которой выражается в том, что она учитывает и частные колебания, но никак не в том, что она теряет из виду основную линию развития.

„Левый“ критик мой, очевидно, что-то такое слышал — совсем по другому поводу — об определении „дня“ революции и не уяснил себе, что там речь шла о моменте вооруженного восстания, поставленного революцией в порядке дня. Это — два хоть и связанных между собою, но совсем разных вопроса. В одном случае дело идет об исторически-обоснованном прогнозе и вытекающей отсюда общей стратегической линии; в другом — о тактическом плане, предполагающем более или менее точное определение места и времени. Никому — кроме разве английской прокуратуры — не придет в голову говорить, что в Англии в настоящий момент в порядке дня стоит вооруженное восстание и что

практической задачей является определение его плана, а значит и срока. Между тем только в такой связи можно было бы говорить о дне или о днях. Осенью 1923 года дело обстояло таким именно образом в Германии. Сейчас в Англии вопрос не в том, чтобы назначать „день“ революции — до этого еще далеко! — а в том, чтобы ясно понять, что вся объективная обстановка приближает этот „день“, вводит его в круг воспитательной и подготовительной политики партии пролетариата, создавая вместе с тем условия для ее быстрого революционного формирования.

Во втором письме тот же критик в помощь своему скептицизму насчет сроков (на самом деле — насчет революции) выдвигает еще более неожиданные доводы. „Царство экономики, — рассуждает он, — практически говоря, беспредельно... Новое изобретение, перегруппировка капиталистических сил... Другая сторона тоже сознает опасность... Да и Америка может принять меры против наступающего краха Англии. Одним словом, — заключает критик, — возможностей очень много, и Троцкий отнюдь не исчерпал их все“. Нашему „левому“ нужны все возможности, кроме одной: революционной. Играя в прятки с реальностью, он готов ухватиться за любую фантастику. В каком смысле, например, „новое изобретение“ может изменить социальные условия развития Великобритании? Со времени Маркса было немало изобретений, которыми действие Марксова закона концентрации производства и обострения классовых противоречий не ослаблялось, а, наоборот, усиливалось. Новые изобретения и в дальнейшем дадут преимущества более сильному, т.-е. не Великобритании, а Соединенным Штатам. Что „другая сторона“, т.-е. буржуазия, сознает опасность и будет бороться против нее всеми средствами, — это бесспорно. Но ведь это и есть важнейшая политическая предпосылка революции. Совершенно чудовищной является, наконец, надежда на спасительную руку Америки. Что в случае гражданской войны в Англии Америка попытается помочь буржуазии, это более чем вероятно, но означает лишь, что и английскому пролетариату придется искать союзников за границами страны. Мы думаем, что он их найдет. Отсюда вытекает, что английская революция неизбежно примет интернациональный размах. Против этого мы меньше всего собираемся спорить. Но критик наш хочет сказать другое. Он выражает надежду на то, что Америка настолько облегчит существование английской буржуазии, что поможет ей вообще избежать революции. Лучшее этого ничего выдумать нельзя!

Каждый новый день свидетельствует, что американский капитал является тем историческим тараном, который намеренно и ненамеренно наносит самые сокрушительные удары мировому положению и внутренней устойчивости Англии. Это, однако, нисколько не мешает нашему „левому“ надеяться на то, что американский капитал любезно потеснится в интересах британского. Для начала следует, очевидно, ждать, что Америка откажется от уплаты английского долга; передаст безвозмездно британскому казначейству 300 миллионов долларов, являющихся резервом британской валюты; поддержит в Китае политику Великобритании; может быть, передаст еще британскому флоту несколько новых крейсеров и переуступит английским фирмам свои канадские акции со скидкой в 50 процентов. Словом, следует ждать, что вашингтонское правительство передаст руководство государственными делами в руки АРА, подобрав для этого наиболее человеколюбивых квакеров.

Люди, способные тешить себя подобными пустяками, не смеют претендовать на руководство британским пролетариатом!

„Правда“ № 34, 11 февраля 1926 г.

БРЕЛЬСФОРД И МАРКСИЗМ *)

Лондонское издание книги „Куда идет Англия?“ вышло с неожиданным предисловием Брельсфорда, бывшего буржуазного радикала, который после войны вступил в независимую рабочую партию и ныне редактирует ее орган. Мистер Брельсфорд, несмотря на все свои социалистические симпатии, не перестал быть радикалом. А так как во главе независимой партии стоят умеренные либералы, то Брельсфорд оказался на левом крыле.

Что не в отсталом Китае и даже не в Японии, где радикальные буржуазные издательства считают еще полезным в просветительных целях выпускать книги русских коммунистов, а в Англии, с ее вопиющими социальными противоречиями, возможно появление книги коммуниста с покровительственным предисловием члена партии Макдональда, факт этот является в глазах всякого марксиста свидетельством невероятной отсталости британской политической идеологии от материальных отношений. В этом суждении, которое не требует доказательств, заключается уже и осуждение такого рода неожиданного литературного „блока“. Единство фронта нам нужно с рабочими массами. Единство или полужединство литературного фронта с Брельсфордом означает только усугубление того идейного хаоса, которым и без того богато английское рабочее движение.

Ошибка здесь, впрочем, не на стороне Брельсфорда. Историческое назначение его состоит в том, чтобы „поправлять“ Томаса и Макдональда, создавать отдушину для недовольства массы, смазывать грани, растворять отчетливую мысль в бесформенной „левизне“. Брельсфорду, намерений коего мы нисколько не заподозриваем, твердо памятуя, однако, что из реформистских намерений в аду делаются главные мостовые, политически выгодно

*) „Where is Britain going?“ by L. Trotsky. With an Introduction by H. N. Brailsford. London. George Allen & Unwin Ltd.

выступать с нами под одной обложкой. Рабочие массы Британии неизмеримо левее Брельсфорда. „Братаясь“ с московским коммунистом, Брельсфорд маскирует свою принадлежность к партии, которая исключает английских коммунистов.

Иные задачи у нас. Мы маскировки не хотим. Наша первая обязанность состоит в разрушении идейной маскировки. Английская рабочая масса неизмеримо левее Брельсфорда, но она еще не в силах найти для своих настроений надлежащий язык. Хлам прошлого еще широким слоем отделяет левую массу от программы коммунизма. Тем недопустимее прибавлять к этому хламу хотя бы волосок. Борясь за интересы углекопов, пройти в этой борьбе несколько шагов рядом с мистером Брельсфордом, — на это коммунисты готовы. Но никаких идейных блоков, никакого единства фронта в области теории и программы! Как раз этот же Брельсфорд по поводу американского издания нашей книжки выразился так: „Нас отделяет от этих людей пропасть“. Правильно, правильно, трижды правильно! Но нет ничего преступнее, с точки зрения марксизма, как перебрасывать через политическую пропасть литературные пальмовые ветви: обманутый маскировкой рабочий ступит ногой и провалится.

Мистеру Брельсфорду маскировка необходима. Он пользуется революционной книгой для борьбы против революции. Защитник демократических иллюзий и парламентского фетишизма, Брельсфорд говорит своим предисловием: смотрите, в нашей британской демократии мы издаем безбоязненно большевистскую книгу, демонстрируя этим самую широту и могущество демократии. Более того, своей маленькой демонстрацией Брельсфорд хочет смазать неудобные для него выводы недавнего судебного процесса над коммунистами. Сам Брельсфорд это открыто признает. Осуждение британских коммунистов по суду — теперь, когда революция вырисовывается лишь в отдаленной перспективе, — есть неизмеримо более яркое и убедительное неспровержение демократических иллюзий, чем все наши книги и брошюры. Брельсфорд понимает это. Борясь за сохранение демократических иллюзий, он „приветствует“ появление нашей книги такими словами: „Если она может свободно выйти в свет, может быть обсуждаема..,— то кошмар (nightmare) этого процесса будет рассеян“. Спасая столь дешевой ценой демократические иллюзии, Брельсфорд хочет внушить английскому пролетариату ту мысль, что раз революционная книжка в сопровождении надлежащей дозы противо-

ядия в виде пацифистского предисловия может свободно появиться на книжном рынке Британии, то этим самым доказано, что английские буржуа покорно склонят головы, когда у них станут „демократически“ отбирать банки, земли, шахты, заводы и верфи. Другими словами, Брельсфорд бесцеремонно напутствует нашу книгу соображениями, прямо противоположными ее цели, смыслу, духу и букве.

Немудрено, если Брельсфорд укоризненно называет „русские методы“ полемики безжалостными (ruthless) и надеется, что они вызовут у английских читателей совсем не то впечатление, на которое рассчитаны. Насчет „впечатления“ подождем. Читатели бывают разные. Методы полемики вытекают из существа политики. „Безжалостность“ вызывается необходимостью обнажить реальность из-под условной лжи. Нигде в Европе канонизированное ханжество — cant — не играет такой роли, как в Великобритании. Разные политические группировки, даже самые „крайние“, в борьбе друг с другом привыкли не задавать известных вопросов и не называть известных вещей своими именами. Причина та, что политическая борьба велась искони в рядах имущих верхов, которые никогда не забывали, что их слушает третий. Система условностей, намеков, недомолвок веками прививалась сверху вниз и наиболее свое реакционное выражение получила ныне у либеральной рабочей партии, в том числе и у ее оппозиционно-радикального крыла. Дело тут не в литературной манере, а в политике. Брельсфорда полемика наша отталкивает потому, что она обнажает классовые противоречия до конца. Совершенно верно, что у тех просвещенных читателей, которые воспитаны в парламентской традиции политического ханжества, такая полемика вызовет не сочувствие, а возмущение. Но — вопреки Брельсфорду — это и есть то впечатление, на которое автор законно рассчитывает. Совершенно верно также, что политики с таким воспитанием все еще составляют плотную прослойку между рабочим классом и программой коммунизма. Тем не менее, классовые реальности и в Англии сильнее традиционного ханжества. Пробужденные британские рабочие, пробивающие себе путь сквозь кору наследственных предрассудков — от болдуиновских до брельсфордских, — найдут в нашей полемике частицу собственной борьбы. И это будет, опять-таки, то впечатление, на которое мы рассчитываем.

Предисловие Брельсфорда представляет собою переплет из неумеренных похвал и умеренных порицаний. Похвалы относятся

к тому, что второстепенно, — к форме книги. Порицания направлены против существа. Неумеренность похвал должна придать особый вес осторожным выпадам против большевиизма. Брельсфорд действует целесообразно. Он выполняет свое предназначение. Он заинтересован в маскировке. А нам нужна полная ясность. Вот почему мы одинаково отводим и похвалы Брельсфорда и его порицания.

Брельсфорд действует целесообразно, и все же он беспомощен до крайности. Но это уж не его вина. Он не может выскочить из исторической задачи центразма: смазывать реальности, чтобы поддерживать иллюзии. Мы видели, как смехотворно Брельсфорд подходит к урокам процесса коммунистов. Та же беспомощность лежит в основе всей его оценки нашей книги. С одной стороны, у него выходит, что книга основана на знании фактов и понимании логики их развития. С другой стороны, оказывается, что автор книги — „человек другого мира“, который неспособен постигнуть ни характер британского протестантизма, ни силу парламентских традиций. Не только в парламенте, но и в церквях, трад-юнионах и даже клубах, — вразумляет нас Брельсфорд, — уважение к большинству было внушено поколениям англичан. „Что русский знает об этом, как ему оценить могущество традиции в нашей старейшей цивилизации?“. Высокомерная беспомощность Брельсфорда — в его методе: он не понимает материальных основ общественного развития, как решающей инстанции. Он останавливается перед традициями, перед идейными отложениями старой борьбы и думает, что эта кора вечна. Он не знает простейших законов зависимости идеологии от классовых основ. Спорить с ним на эти темы то же, что убеждать изобретателя *perpetuum mobile*, который отрицает закон сохранения энергии. Каждому грамотному марксисту ясно, что чем сильнее застыли консервативные формы британского общества, тем катастрофичнее новые извержения общественного вулкана взорвут застывшую кору старых традиций и учреждений.

Идеи и предрассудки, передающиеся от поколения к поколению, превращаются в фактор большой исторической силы. На самом Брельсфорде очень недурно видна эта „самостоятельная“ сила улотненных историей предрассудков. Но все же материальные факты сильнее своего отражения в идеях и традициях. В этом нетрудно убедиться как раз теперь на поучительнейшей картине агонирующего британского либерализма. Можно ли найти другую

традицию, более могущественную? В истоках своих либерализм связан с первыми движениями протестантизма и, следовательно, с революцией XVII века, которая открывает историю новой Англии. И однако же могущественная либеральная традиция коржится и испепеляется на наших глазах, как лист пергамента, брошенный на горячую плиту. Живые факты сильнее мертвых идей. Упадок средних классов в Англии, упадок английского капитализма в мире, — вот материальные факты, которые беспощадно расправляются с традицией либерализма. Фигура земельного реформатора Гракха-Ллойд-Джорджа, который вечером отрицает то, что говорил утром, является уже сама по себе великолепным издевательством над либеральной традицией.

Мы слышали от Брельсфорда, что для „человека другого мира“ недоступно понимание того, „как глубоко запечатлелся в сознании английского народа... инстинкт повиновения воле большинства“. Но замечательное дело, что когда Брельсфорд спускается с высот доктринерства в область живых политических фактов, он сам неожиданно раскрывает иногда тайну „повиновения воле большинства“. Так, разбирая ход последней либеральной конференции, которая против всех своих „традиций“ и, главное, против собственного желания приняла (наполовину) шарлатанскую ллойд-джорджеву программу „национализация земли“, Брельсфорд пишет в „Нью-Лидер“ от 26 февраля: „Оплата расходов из центрального фонда (зависящего от Ллойд-Джорджа) и предложенные делегатам бесплатные завтраки, очевидно, создали на конференции нужное большинство“. Завтраки *создали* большинство! Из этих реалистических слов видно, что воспитанный рядом британских поколений и недоступный людям „другого мира“ демократический инстинкт повиновения большинству нуждается время от времени еще в бесплатных ростбифах и других вспомогательных средствах для обнаружения своего всемогущества. Лучше этих слов Брельсфорд вряд ли что напишет. Наш идеалист наткнулся здесь на то, что вообще портит метафизические схемы: на кусок действительности. Давно известно, что немецкие профессора-кантианцы на путях осуществления вечной морали спотыкаются о такие препятствия, как недостаточное жалование, интриги коллег или сварливая теща. Демократический социалист Брельсфорд ушибся — и притом гораздо опаснее, чем он сам воображает, — о ростбиф. Конечно мы, люди другого мира, неспособны уяснить себе благородное преклонение всех

британцев перед парламентскими методами. Но зачем же смущать нас сообщением, что внутри либеральной партии, создательницы парламентаризма, большинство достигается при помощи кассы и серии завтраков, бесплатных, но, надо думать, вполне сытных. Большинство, достигнутое таким путем, очень похоже на подкупленное или фальсифицированное большинство. А ведь дело пока идет только о борьбе за мандаты и за портфели. Что же будет, когда ребром встанет вопрос, кому должна в государстве принадлежать власть: буржуазии или пролетариату? И кому — собственность: капиталистам или народу? Если по соображениям парламентского карьеризма руководители либеральной партии с успехом приводят в движение подкуп и фальсификацию, то перед какими же насилиями, перед какими преступлениями остановятся правящие классы, когда речь будет идти обо всей их исторической судьбе? Я очень опасаясь, что если из нас двух кто-нибудь является человеком другого мира и не понимает самого главного в английской политике, так это мистер Брельсфорд. Он — человек другой эпохи. Новая эпоха — наша.

Брельсфорд не упускает в своем предисловии случая взять под защиту религию. Любопытно, что он называет себя при этом *агностиком*. Это слово в Англии употребляется иногда как вежливое, салонное, выхолощенное название для атеиста. Еще чаще оно характеризует полу-атеизм, неуверенный в себе, т.-е. ту разновидность идеализма, которая по вопросу о боге, говоря парламентским языком, воздерживается от голосования. И здесь мы видим, стало-быть, силу *sanct'a*, условности, полуправды, полужли, философского ханжества. Намекая на свой атеизм и называя себя агностиком, Брельсфорд тут же берет под защиту религию. Вот эти двусмысленные нравы английские революционеры обязаны беспощадно изгонять из рядов рабочего движения. Довольно игры в прятки, называйте вещи по именам!

Брельсфорд защищает религию путем отрицания ее классового характера. Ни один русский не может, видите ли, понять, что такое английская религия, с ее „традициями свободного обсуждения, с ее демократической формой, с ее относительной свободой от всякой потусторонности“ и пр., и пр. Ни один демократический поп не мог бы произнести более апологетической речи в защиту религиозного дурмана, чем наш „агностик“. Свидетельство его в пользу церкви должно получить тем больший вес, что он сам себя заявляет неверующим. Двойственность

и фальшь на каждом шагу. Пытаясь опровергнуть буржуазный характер протестантизма, Брельсфорд уличающе спрашивает, бывал ли Троцкий когда-либо в диссидентской (dissenting) часовне в угольном районе, читал ли Беньяна, заглядывал ли в революционную историю антибаптистов и людей Пятой Монархии? Должен признать, что в диссидентской часовне углекопов не бывал и очень недостаточно знаком с историческими фактами, о которых говорит Брельсфорд. Угольный район и его часовни я обещаю посетить, как только партия Брельсфорда возьмет власть и разрешит мне, по принципам демократии, беспрепятственную поездку по владениям его величества. С Беньяном, историей антибаптистов и Пятой Монархией постараюсь познакомиться раньше указанного срока. Но Брельсфорд жестоко ошибается, когда думает, что перечисленные им факты и обстоятельства могут изменить общую оценку религии и, в частности, протестантизма. Вместе с Лениным и Н. К. Крупской я посетил однажды „свободную церковь“ в Лондоне и слушал там социалистические речи попеременно с псалмами. Проповедником был наборщик, вернувшийся из Австралии. Он говорил о социальной революции. В псалмах молящиеся просили бога установить такой порядок, чтобы не было ни бедных, ни богатых. Таково было мое первое практическое знакомство с английским рабочим движением почти четверть века тому назад (1902 г.). Какую роль, — спрашивал я себя тогда, — играет псалом по отношению к революционной речи? Роль предохранительного клапана. Сгущенные пары недовольства выпускались под купол церкви и выше к небу. В этом — основная функция церкви в классовом обществе.

Разумеется, разные церкви выполняют эту задачу по-разному. Православная церковь, не справившись с первобытной крестьянской мифологией, чем дальше, тем больше превращалась в внешний бюрократический аппарат на-ряду с аппаратом царизма. Священник шел об руку с урядником и на всякое развитие сектантства (диссидентства) отвечал репрессией. Оттого-то корни православной церкви в народном сознании оказались столь слабыми, особенно в промышленных центрах. Стряхнув с себя бюрократический церковный аппарат, русский рабочий, в подавляющей своей массе, да и крестьянский молодежь вместе с ним стряхнули с себя и религиозность. Совсем иное дело протестантизм, который встал на ноги как знамя буржуазии и мелкого люда города и деревни против короны, придворных, привилегированных,

против кавалеров и епископов. Происхождение и развитие протестантизма так тесно связаны с развитием городской культуры и с борьбой буржуазии за более прочное и устойчивое положение в обществе, что доказывать это поистине нет надобности. Буржуазия не могла бы, разумеется, бороться с успехом, а затем держаться у власти, если бы зная свое она не сделала в той или другой мере знаменем народных низов, т.е. ремесленников, крестьян и рабочих. В борьбе против знати буржуазия очень крепко связывала с собою народные низы протестантской религией. Конечно, шотландский дровосек вкладывал в свои псалмы не то субъектабельное содержание, что respectable мистер Домби или его почтенный правнук, заседающий в палате общин, справа или слева от мистера Макдональда. Но ведь то же самое относится и к либерализму. Рабочие-либералы, не бюрократы юнионов, а пролетарии, совсем иначе воспринимали либеральную программу, чем Гладстон. Они и в свой либерализм вносили классовый инстинкт, но беспомощный. Решится ли, однако, Брельсфорд на этом основании оспаривать, что либерализм есть программа поднимающейся в гору средней и мелкой торговой и промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции?

Верно — и на это хочет опереться Брельсфорд, — что многие мелкобуржуазные радикалы, противники классовой борьбы, склонялись к атеизму, тогда как пионеры трэд-юнионизма стояли в равной мере за христианство и за классовую борьбу. Но тут нет никакого противоречия с тем, что сказано выше. Марксизм вовсе не учит, будто каждый человек получает свой паек религиозных и философских убеждений в зависимости от размеров своего дохода или заработной платы. Вопрос сложнее. Рождаюсь на почве материальных условий жизни, т.е. прежде всего на почве классовых противоречий, религиозные, как и иные идеи лишь постепенно прокладывают себе путь, живут, в силу консерватизма, дольше, чем те потребности, которыми они порождены, и сходят на-нет лишь под действием серьезных толчков и потрясений. Мелкобуржуазные английские радикалы из школы утилитаристов или оуэнистов могли быть боевыми атеистами до тех пор, пока серьезно верили, что владеют безболезненными способами разрешения всех общественных вопросов. Но по мере обострения классовых противоречий боевой радикализм сходил на-нет или переселялся в рабочую партию, внося в нее свое потрепанное идеалистическое высокомерие и свою политическую

беспомощность. Организаторы трэд-юнионов, поднятые вверх рабочими стачками, не могли отречься от основы своей работы и источника своего влияния, т.-е. от классовой борьбы. Но они оставались при этом в ограниченных рамках трэд-юнионизма, не доводя борьбы до необходимых революционных выводов, и это позволяло и позволяет им примирять трэд-юнионизм с христианством, т.-е. с дисциплиной, которую налагают на пролетариат вероучение и мораль другого класса.

Совершенно неоспоримо, что революция застанет еще добрую долю уэльских углекопов во власти религиозных предрассудков. Можно не сомневаться, что, несмотря на это, углекопы сделают свое дело. От одних предрассудков они освободятся в огне борьбы, от других — лишь после победы. Но мы категорически отрицаем, чтобы уэльским углекопам и вообще британским пролетариям могли указывать правильный путь люди, которые сами не отделались от ребяческих бредней, не знают строения человеческого общества, не уяснили себе его динамики, не понимают роли в нем религии и готовы, в той или иной мере, подчинять свои действия указаниям церковной морали, которая объединяет угнетателей и угнетенных. Такие вожди ненадежны. Рабочий класс всегда может ожидать с их стороны капитуляции или прямого предательства — со ссылками на нагорную проповедь — в самый ответственный час.

Традиционная сила британского протестантизма нам ясна, и напрасно Брельсфорд изображает дело так, будто мы о протестантизме судим по православию. Пустяки. Мы, марксисты, привыкли брать исторические явления в их социальной обусловленности, в их конкретности, судить о них не по именам, а по тому содержанию, которое в них вкладывает живое, т.-е. расчлененное на классы общество. Традиционное могущество протестантизма велико, но не безгранично. По самой сути своей, т.-е. как религиозное, а не политическое учение, протестантизм эластичнее либерализма, который является его младшим братом. Но эластичность протестантизма имеет свои пределы. Глубокий поворот в судьбах Англии предопределяет их. Все национальные традиции подвергнутся испытанию. Что складывалось веками, будет разрушаться в течение годов. Революционная проверка, исходящая от неумолимых фактов, доберется и до тех последних убежищ сознания, где скрываются наследственные религиозные предрассудки. Наше дело — помогать этой очистительной работе,

а не ставить ей помехи, как делают двусмысленные агностики, намекающие на свой атеизм и потому защищающие религию.

Мы видим, таким образом, что по самым основным вопросам, от которых зависит историческая жизнь и смерть пролетариата, мы с Брельсфордом стоим по разные стороны идеологической баррикады. Вот почему грубейшим недоразумением является наше появление с ним перед английским читателем под одной обложкой. Как могу, я исправляю это недоразумение настоящей статьей.

„Правда“ № 60, 14 марта 1936 г.

ЕЩЕ РАЗ О ПАЦИФИЗМЕ И РЕВОЛЮЦИИ

(Ответ Бертрану Расселю *)

Большинство британских критиков моей книги главный порок ее видят в том, что автор — не англичанин и; следовательно, неспособен понять английскую психологию, английские традиции и пр. Нужно, однако, сказать, что чем больше английские фабианцы настаивают на этом доводе, тем меньше они сами кажутся англичанами: в конце концов, они прибавляют очень мало к тем доводам, каких мы немало наслышались от русских меньшевиков, а раньше — от народников.

Сейчас, когда мы победили, английские и вообще европейские социалисты склонны разрешить нам оставаться самими собой — в соответствии с особенностями нашей страны и национальной культуры. Этим путем они хотят в сущности восстановить идейную изгородь по тем самым границам, где Ллойд-Джордж, Черчилль, Клемансо и др. пытались установить материальную колючую проволоку блокады. „Может быть, для русских это и хорошо, — примирительно заявляют „левые“, — но пусть русские со своим опытом и своими выводами не смеют переступать русских границ“. Особенности английского национального характера привлекаются в качестве философского обоснования теории большевистского „невмешательства“.

Фабианские и иные критики не знают, что всем нашим прошлым мы прекрасно закалены против доводов такого порядка. Ирония ведь в том, что если фабианцы согласны ныне, т.-е. после нашей победы, признать большевизм, т.-е. марксизм в действии, соответствующим национальным особенностям России, то старая русская традиционная идеология, — притом не только правительственная, но и оппозиционная, — неизменно считала марксизм порождением западной культуры и провозглашала полную его

*) „The New Leader“, February 26, 1926, „Trotsky on Our Sins“ by Bertrand Russell.

несовместимость с особенностями русского национального развития. Еще на памяти моего поколения подавляющее большинство русской печати объявляло русских марксистов идейными иностранцами, которые тщетно пытаются перенести на русскую почву исторический опыт Англии. Нам по каждому поводу напоминали, что Маркс создал свою теорию экономического развития в Британском Музее, наблюдая английский капитализм и его противоречия. Могли ли уроки британского капитализма иметь значение для России, с ее величайшими „особенностями“, с ее преобладающим крестьянским населением, с ее патриархальными традициями, с ее общиной или с ее православием?— Так говорили русские реакционеры и русские народники, с необходимыми вариантами вправо и влево. Не только до войны и во время войны, но и после Февральской революции 1917 года, когда мистер Гендерсон приезжал уговаривать русских рабочих продолжать войну против Германии, вред ли был на свете хоть один „социалист“, правый или левый, который считал бы, что большевизм отвечает национальным особенностям России. Нет, тогда нас, в лучшем случае, считали маниаками. Наши собственные фабрики, русские меньшевики и так называемые социалист-революционеры, приводили против нас все те доводы, которые мы сегодня слышим от Ленсбери, Брельсфорда, Ресселя и их более правых коллег в качестве откровений истинно-британской философии. В конце концов, ссылка на национальные особенности есть последнее орудие каждой идейной реакции, обороняющейся от революционных запросов времени. Этим мы вовсе не хотим сказать, будто национальных особенностей не существует, или будто они несущественны. Отложения прошлого в учреждениях и нравах представляют собою большую консервативную силу. Но решают, в последнем счете, живые силы настоящего. Положение английской угольной промышленности на мировом рынке нельзя исправить никакими ссылками на национальные традиции. Между тем, роль угольной промышленности в судьбах Великобритании неизмеримо важнее, чем все приемы и обрядности парламентаризма. Палата общин опирается на уголь, а не наоборот. Консерватизм английских форм собственности и способов производства представляет собою такую национальную „особенность“, которая способна лишь углубить социальный кризис со всеми вытекающими из него революционными противоречиями.

Мистер Бертран Рессель, философ в математике, математик в философии, аристократ в демократии и дилетант в социализме, счел долгом приложить и свою руку, не в первый уже раз, к разрушению тлетворных идей, исходящих из Москвы и враждебных англо-саксонскому духу.

В вопросе религии Рессель делает шаг, вперед от Брельсфорда. Он признает, что в настоящих условиях каждая организованная религия, т.-е. церковь, должна стать реакционной силой (это не мешает Ресселю оставлять лазейку и в этом вопросе: личная религия — это де другое дело). Рессель одобряет наши доводы насчет того, что даже самый экономный король не может стать составной частью социалистического общества. Рессель отказывается считать парламентский путь обеспеченным путем к социализму. Но все эти признания, как и некоторые другие, делаются Ресселем только для того, чтобы тем ярче обнаружить антиреволюционный характер его мышления на вопросе о путях английского рабочего класса. Рессель объявляет пролетарскую революцию в Британии не только опасной, но и гибельной. Англия слишком зависима от заокеанских стран и прежде всего от Соединенных Штатов Северной Америки. Отрезанные блокадой от внешнего мира, британские острова смогут прокормить не более двадцати миллионов населения. „В этих условиях, — иронизирует Рессель, — симпатии Троцкого не доставят нам большого комфорта. Никакой энтузиазм не поможет, пока Советская Россия не выставит в Атлантическом океане флота, более сильного, чем Америка“. Эти стратегические соображения очень интересны в устах пацифиста. Мы узнаем, во-первых, что судьба британского пацифизма, поскольку он пытается связать себя с рабочим классом, зависит от силы американского флота. Мы узнаем, во-вторых, что было бы недурно, если бы британский пацифизм мог быть огражден от врагов советским флотом надлежащей силы. От идейного сочувствия, не подкрепленного достаточным количеством снарядов и мин, почтенный идеалист презрительно отмахивается. Тут он, однако, явно хватает через край.

Симпатии самого Ресселя к Октябрьской революции (очень, впрочем, похожие на антипатии) не доставили нам в течение истекших годов никакого „комфорта“. Но симпатии английских и вообще европейских рабочих масс спасли нас. Конечно, Черчилль причинил нам то зло, на какое способен. Чемберлен

делает все, что может. Но мы были бы давно раздавлены, если бы господствующие классы Великобритании и Европы не боялись двинуть против нас свои вооруженные силы. Конечно, эта гарантия не абсолютна. Но она — на-ряду с антагонизмами капиталистических государств — оказалась достаточной, чтобы охранить нас от интервенций крупного масштаба в наиболее критические первые годы. А между тем и до Октября и после Октября наши собственные Ресслы уверяли нас, что мы будем раздавлены либо войсками Гогенцоллерна, либо войсками Антанты.

Нам говорили, что русский пролетариат, как наиболее отсталый и малочисленный, мог бы взять в свои руки власть лишь в случае победы мировой революции. Ссылки на международную революцию, как на *предварительное условие* для ниспровержения буржуазного господства в собственной стране, представляют собою лишь замаскированный отказ от революции. Ибо что такое международная революция? Это — цепь — и притом не непрерывная — национальных революций, из которых каждая питает другие своими успехами и терпит, от их неудач. В 1923 году, когда революционная ситуация в Германии достигла высшей остроты, левые социал-демократы, в борьбе против коммунистов, ссылались на опасность военной интервенции со стороны Франции и Польши. Немецкие левые меньшевики вполне готовы были бы, по крайней мере на словах, захватить власть в Германии при условии *предварительной* победы пролетариата во Франции. Эта меньшевистская агитация была одним из элементов, парализовавших революционную активность германского рабочего класса. В случае решительного обострения политической обстановки во Франции, — а дело к этому идет, — французские социалисты будут несомненно пугать французских рабочих опасностью германского реванша, с одной стороны, блокады британского флота — с другой. Но кто же смеет сомневаться в том, что Леон Блюм, Жан Лонге и прочие герои согласились бы на завоевание власти при условии предварительной и притом полной победы рабочего класса в Германии и Великобритании! Социалисты мелких государств считают вдвойне невозможным начинать революцию у себя, пока буржуазия сохраняет власть в великих государствах. Дрессированные тюлени в цирке перебрасывают друг другу горящий факел с таким же, примерно, искусством, с каким меньшевики разных стран перебрасывают друг другу право революционной инициативы.

Пацифист Рессель считает невозможным приступить к перевороту в Англии, до тех пор пока Соединенные Штаты сохранят могущественный флот. Было бы, конечно, недурно, если бы американский пролетариат уже в ближайшее время захватил в свои руки власть, а вместе с ней и военный флот. Но не скажут ли нам американские Рессели, что пролетарской власти в Соединенных Штатах грозили бы неизбежно объединенные флоты Великобритании и Японии? Правда, этим доводом можно было бы пренебречь, если бы пролетарская революция действительно стояла на очереди в Соединенных Штатах. К сожалению, этого еще нет. Великобритания по всей обстановке неизмеримо ближе к революции, чем Северная Америка. Нужно, следовательно, считаться с тем, что борьба пролетариата за власть в Англии произойдет при еще непоколебленном господстве американской буржуазии. Как же быть? Рессель указывает — правда, скорее иронически — выход из положения: он предлагает Советскому Союзу создать военный флот, способный обеспечить свободные подступы к пролетарской Британии. К сожалению, бедность нашей страны и ее техническая отсталость не позволяют нам пока что выполнить эту программу. Конечно, было бы выгоднее, проще, экономнее, если бы пролетарская революция началась в Соединенных Штатах и через Англию протянулась бы с Запада на Восток по Европе и Азии. Но реальный ход развития не таков: мировая цепь капиталистического господства рвется, как и всякая цепь, со своих слабейших звеньев. После царской России ближе всего к пролетарской революции подошли Австро-Венгрия, Германия и Италия. Для Франции и Англии расплата за войну только еще впереди. Европа в целом неизмеримо ближе к революционному перевороту, чем Соединенные Штаты. С этим приходится считаться.

Конечно, положение блокированной Британии было бы, ввиду ее жизненной зависимости от импорта и экспорта, более тяжелым, чем положение любой другой европейской страны. Однако, и ресурсы революционной Британии в борьбе с трудностями были бы также чрезвычайно велики.

Ссылаясь на американский флот, Рессель почему-то забывает о великобританском флоте. В чьих он будет руках? Если в руках буржуазии, то ближайшая и более острая опасность будет грозить пролетарской революции не со стороны американского, а со стороны британского флота. Если же этот последний окажется

в руках пролетариата, то положение сразу станет неизмеримо более благоприятным, чем его рисует Рессель. Об этом немало-важном вопросе у нашего критика ни слова. На этом приходится остановиться несколько подробнее.

Величайшие особенности в развитии Британии определяются ее островным положением. Роль британского флота в судьбах страны наиболее ярко выражает эти особенности. Между тем, британские социалисты, упрекающие нас в незнании или в непонимании скрытых или невесомых особенностей британского духа, сплошь забывают, при обсуждении вопроса о пролетарской революции, такую весьма весомую величину, как британский флот. Рессель, иронически призывающий на помощь советский флот, ничего не говорит о том флоте, который продолжал укрепляться легкими крейсерами, когда партия Макдональда, Брельсфорда и Ленсбери стояла у власти.

Дело идет о завоевании власти в стране, где пролетариат составляет подавляющее большинство населения. Политической предпосылкой успеха должно явиться стремление самого пролетариата овладеть властью во что бы то ни стало, т.-е. ценою любых жертв. Объединить в этом стремлении рабочие массы способна только революционная партия. Второй предпосылкой успеха является ясное понимание путей и методов борьбы. Только освобожденная от пацифистской катаракты на глазах рабочая партия сама увидит и объяснит пролетариату, что действительный переход власти из рук одного класса в руки другого в неизмеримо большей степени зависит от британской армии и британского флота, чем от парламента. Борьба пролетариата за власть должна быть поэтому его борьбой за флот. Нужно, чтобы моряки — конечно, не адмиралы, а кочегары, рабочие-электротехники, матросы — научились понимать задачи и цели рабочего класса. Нужно найти к ним дорогу через все препятствия. Только систематической, упорной, настойчивой подготовительной работой можно создать такое положение, при котором буржуазия в борьбе против пролетариата не сможет опереться на флот. А без этого условия бессмысленно говорить о победе.

Нельзя, конечно, представлять себе дело так, что уже в первый период революции флот целиком, и притом в полном боевом порядке, перейдет на сторону пролетариата. Без глубоких внутренних потрясений в самом флоте дело не обойдется. Об этом свидетельствует история всех революций. Потрясения во

флоте, связанные с радикальным обновлением командного состава, означают неизбежно общее ослабление флота на сравнительно длительный период. На это опять-таки нельзя закрывать глаза. Но период кризиса и внутреннего ослабления флота будет пройден тем быстрее, чем решительнее будет руководящая партия пролетариата, чем больше у нее будет связей во флоте уже в подготовительный период, чем смелее она будет в период борьбы, чем яснее она покажет всем угнетенным, что она способна захватить власть и удержать ее. Пацифизм лишь в очень незначительной степени задевает военную машину господствующего класса. Об этом лучше всего свидетельствует мужественный, но достаточно бесплодный опыт самого Ресселя во время войны. Дело ограничилось тем, что несколько тысяч молодых людей, сославшихся на свою „совесть“, попали в тюрьму. В старой царской армии сектанты и, в частности, последователи Толстого нередко подвергались преследованиям за такого рода пассивный анти-милитаризм. Но не они решили задачу низвержения царизма. И в Англии они не помешали и не могли помешать довести войну до конца. Пацифизм обращается лицом не столько к военной организации буржуазного государства, сколько к рабочим массам. Здесь его влияние поистине тлетворно. Он парализует волю тех, кто и без того не страдает избытком ее. Он проповедует вред вооружения тем, которые и без того разоружены и являются жертвами классового насилия. В нынешних условиях британской жизни, когда проблема власти ставится ребром, пацифизм Ресселя реакционен как никогда.

Не так давно Ленсбери, как сообщали газеты, заклинал британских солдат не стрелять в стачечников. Тысячи присутствовавших на собрании рабочих и работниц подняли руки в знак солидарности с этим призывом, который, правда, плохо мирится с политикой Макдональда, но зато представляет известный шаг на пути революции. Нужно быть очень уж наивным, чтобы думать, будто призыв Ленсбери открывает возможность мирного, бескровного, пацифистского разрешения вопроса о власти. Наоборот, этот призыв, поскольку он проложит себе дорогу в жизни, развернет из себя неизбежно самые острые военные столкновения. Нельзя ведь думать, что все солдаты, все моряки одновременно откажутся стрелять в рабочих. На самом деле, революция вгонит клин в армию и флот, трещина пройдет через каждую роту, через экипаж каждого военного корабля. Этот

солдат уже твердо решил не стрелять, хотя бы ему самому это стоило жизни. Другой колеблется. Третий готов стрелять в того, кто отказывается стрелять. Больше всего в первый период таких, которые колеблются. Как это было у нас в 1905 и в 1917 годах? Солдат или матрос, проявивший на деле свою солидарность с рабочими, попадал под огонь офицера. На следующем этапе офицер попадает под огонь солдат, увлеченных героическим примером более передовых товарищей. Такие конфликты расширяются. Полк, в котором господствуют революционные элементы, противостоит полку, где еще сохранил власть старый командный состав. Тем временем, опираясь на революционные полки, вооружаются рабочие. Во флоте дело идет не иначе. Мы бы очень советовали Ресселю и его единомышленникам посмотреть фильму советского производства „Броненосец Потемкин“, которая с достаточной наглядностью показывает механику революции внутри вооруженной человеческой массы. Еще важнее было бы показать эту фильму британским рабочим и морякам. Будем надеяться, что рабочая партия сделает это, когда придет к власти.

Наследственные буржуазные ханжи и цивилизованные людоеды будут, конечно, с величайшим возмущением говорить о том, что мы стремимся восстановить брата на брата, солдата на офицера и пр. Пацифисты будут им вторить. Они не преминут еще раз напомнить, что мы все видим в кровавом свете, потому что не знаем особенностей Великобритании и недооцениваем благотворного влияния христианской морали на морское офицерство, полисменов и Джойнсона Хикса. Но это нас остановить не может. Революционная политика прежде всего требует глядеть открыто в лицо фактам, чтобы предугадать линию их дальнейшего развития. Филистерам революционная политика представляется фантастической только потому, что она предвидит послезавтрашний день, тогда как они не смеют задуматься о завтрашнем.

В условиях, когда национальный организм в целом может быть спасен не консервативной терапией, а хирургическим вмешательством, удаляющим негодный орган — переживший себя класс, — пацифистские проповеди вытекают, по существу, из себялюбивого индифферентизма. Высшее „милосердие“ требует в таких условиях высшей решимости, чтобы сократить сроки и уменьшить муки. У американской буржуазии будет тем меньше искушений вмешаться в борьбу, чем решительнее английский пролетариат наложит свою руку на все средства и орудия британской буржуа-

зии. Американский флот будет иметь тем меньше возможности сокрушить пролетарскую власть в Британии, чем скорее и полнее эта последняя подчинит себе британский флот. Этим мы вовсе не хотим сказать, что военная интервенция заокеанской республики исключена. Наоборот, она очень вероятна, а в известных пределах прямо-таки неизбежна. Но результаты этого вмешательства зависят в огромной степени от нашей собственной политики до революции и во время ее.

Для всесторонней блокады британских островов и, прежде всего, для их изоляции от европейского континента не последнее значение будет иметь поведение военного флота Франции. Сможет ли французская буржуазия направить свои корабли против пролетарской революции в Англии? На этот счет у нас есть уже некоторый опыт. В 1918 году Мильеран направил в Черном море французские военные суда против портов Советской Республики. Результат известен. Крейсер „Вальдек Руссо“ поднял знамя мятежа. У англичан на русском Севере тоже не все шло благополучно. Революция очень заразна. А военные матросы больше, чем кто-либо, восприимчивы к революционной заразе. В то время когда французские моряки Марти и Бадина подняли восстание, не желая выступать против пролетарской революции в России, Франция казалась на вершине могущества. Ныне и для нее началась эпоха расплаты за войну не в меньшей степени, чем для Англии. Думать, что даже в том случае, когда в Англии за бортом окажутся монархия, лендлорды, банкиры и фабриканты, французская буржуазия сохранит возможность играть роль жандарма в Атлантическом океане или хотя бы только в Ламанше, значит обнаружить чудовищный оптимизм за счет буржуазии и позорный пессимизм за счет пролетариата. Британия т.-е. ее буржуазия, недаром была владычицей морей. Британская революция пустит вокруг себя большие круги по всем океанам. Первым ее результатом будет потрясение дисциплины всех военных флотов. Кто знает, не придется ли в этих условиях американскому командованию отказаться от мысли о тесной военно-морской блокаде, оттянув назад свои корабли, подальше от европейской заразы.

Наконец, и в самой Америке флот не есть последняя инстанция. Капиталистический режим в Соединенных Штатах могущественнее, чем где бы то ни было. Мы не хуже Ресселя знаем контр-революционный характер американской Федерации

Труда, о которой он нам напоминает. Как буржуазия Соединенных Штатов подняла на небывалую высоту могущество капитала, так американская Федерация Труда довела до последнего предела методы соглашательства. Но это вовсе не значит, что американская буржуазия всемогуща. Она неизмеримо сильнее против европейской буржуазии, чем против европейского пролетариата. Под крышкой американской рабочей аристократии, самой привилегированной из всех рабочих аристократий мира, дремлют и бродят революционные инстинкты и настроения разноплеменных рабочих масс Северной Америки. Революция в англосаксонской стране по ту сторону Атлантики скажется на пролетариате Соединенных Штатов сильнее, чем какал бы то ни было другая революция. Это еще не значит, что господство американской буржуазии будет опрокинуто на другой день после завоевания власти британским пролетариатом. Понадобится ряд серьезных экономических, военных и политических потрясений, прежде чем будет опрокинуто царство доллара. Сама американская буржуазия подготавливает теперь эти потрясения, вкладывая свои капиталы во всем мире и тем связывая свое господство с европейским хаосом и пороховыми погребами Востока. Но революция в Англии неизбежно пробудит могущественный отголосок по ту сторону „большой воды“ — и на бирже Нью-Йорка и в рабочих кварталах Чикаго. В самочувствии буржуазии и пролетариата Соединенных Штатов сразу произойдет перемена: буржуазия почувствует себя слабее, рабочий класс — сильнее. А самочувствие классов есть важнейший составной элемент так называемого соотношения сил. Это опять-таки не значит, что американские банкиры и трестовики не смогут сделать при помощи своего флота попытки экономически удушить революцию британского пролетариата. Но такая попытка будет сама по себе означать дальнейшее потрясение внутреннего режима Соединенных Штатов. Наконец, в самом сердце каждого американского военного корабля, в его машинном отделении, скажутся не только революционные события в Великобритании, но и вызванные ими новые настроения в пролетариате Соединенных Штатов. Все вместе означает не то, что пролетарская революция в Англии не связана с трудностями и опасностями. Наоборот, и те и другие колоссальны. Но они — на обеих сторонах. В этом собственно и состоит сущность революции. Чем больше место, занимаемое данной нацией в мире, тем грандиознее те силы действия

и противодействия, которые революция пробуждает и развертывает. Наши „симпатии“ могут в этих условиях оказаться кое на что пригодны.

Революция не делается в порядке наиболее выгодной очередности. Революции вообще не делаются по производству. Если бы можно было рационалистически наметить революционный маршрут, то можно было бы, вероятно, и вовсе избежать революции. Но в том-то и дело, что революция является выражением невозможности рационалистическими методами перестроить классовое общество. Логические аргументы, хотя бы и доведенные Ресселем до степени математических формул, бессильны против материальных интересов. Господствующие классы скорее обречут гибели всю цивилизацию, вместе с математикой, чем откажутся от привилегий. В борьбе между углекопами и угольными магнатами Великобритании уже заложена целиком грядущая революция,—как в зерне заложены будущие стебель и колос. Иррациональные факторы человеческой истории грубее всего действуют через классовые противоречия. Через эти иррациональные факторы нельзя перескочить. Как математика, оперируя с иррациональными величинами, приходит к совершенно реалистическим выводам, так и политика может рационализировать, т.-е. привести в разумный порядок, общественный строй, лишь ясно учтя иррациональные противоречия общества, чтобы окончательно преодолеть их,—не в обход революции, а через ее посредство.

* * *

В сущности, мы могли бы закончить на этом. Возражения Ресселя дали нам возможность рассмотреть дополнительно те стороны вопроса, которые наша брошюра оставила в тени. Но будет, может быть, нелишним остановиться на последнем и самом сильном доводе критика-пацифиста. Рессель заявляет, что наше отношение к британской революции продиктовано... нашим русским патриотизмом. Он говорит: „Я прихожу в ужас от того, что Троцкий, подобно всем нам, является патриотом, когда дело доходит до конца. (to the pinch): коммунистическая революция в Англии была бы выгодна России; поэтому он советует ее, не рассмотревши беспристрастно, будет ли она выгодна нам“. Этот довод имеет все преимущества, кроме новизны. Пресса Чемберлена и Хикса—с наибольшей яростью этим занята „Morning Post“—давно уже доказывает, что международное коммунистическое

движение служит целям советского империализма, который, в свою очередь, продолжает традиции царской политики. Такого рода обвинения начались с того времени, когда буржуазия убедилась, что наша партия взяла власть серьезно и не собирается уходить. В период, предшествовавший захвату власти и непосредственно следовавший за ним, обвинения имели, как известно, прямо противоположный характер. Большевиков обвиняли в том, что им чужды национальные чувства и патриотические соображения, и что вожди их проводят в отношении России политику Гогенцоллерна. Это было совсем не так уж давно. Артур Гендерсон, Эмиль Вандервельде, Альбер Тома и др. приезжали в Россию убеждать русских рабочих в том, что большевики готовы предать основные интересы России в угоду своим интернациональным химерам (или, по другому варианту, за золото немецкого кайзера). Опыт-таки, ярче и крепче всего эту тему развивала „Morning Post“. Точно так же, как Рессель обвиняет нас теперь в готовности довести население Великобритании до двадцати миллионов в угоду советскому империализму, девять лет тому назад нас обвиняли в бездушной готовности уменьшить вдвое и втрое население России во имя наших антинациональных целей. Наша партия, как известно, стояла на той точке зрения, что поражение царской России в войне будет выгодно как для русского, так и для международного рабочего класса. Социалистические лакеи Антанты не могли нас сдвинуть с этой позиции. В эпоху Брест-Литовского мира обвинения в антинациональной политике (по другой версии — в сотрудничестве с Гогенцоллерном) достигли бешеного напряжения. Тем не менее, наша партия не дала вовлечь себя в войну в интересах американского капитала. Гогенцоллернский режим пал, и в падении его Октябрьская революция сыграла не меньшую роль, чем оружие Антанты. На первое место выдвинулся антагонизм Советской Республики с правительствами победоносной Антанты. Наиболее реакционную мировую роль играет правящая Великобритания: в Европе, в Египте, в Турции, в Персии, в Индии, в Китае. Всякие изменения в мировом положении, в экономике и в политике, направляются против правящей Великобритании. Оттого пережившая себя британская буржуазия, в борьбе за ускользающее могущество, неистово борется против всяких изменений. Американская буржуазия могущественнее. Ее борьба против революции будет грандиознее. Но Америка пока еще стоит во второй линии.

Наиболее активным и злым врагом революционного движения — в Европе, в Азии, в Африке — является господствующий класс Великобритании. Казалось бы, для социалиста этого факта с избытком достаточно, чтобы объяснить антагонизм между Советским Союзом и Британской империей. „Патриоты“ ли мы? В такой же мере, в какой мы были „анти-патриотами“ во время империалистской войны. Методами государственной власти мы отстаиваем те же интересы, за которые боролись методами восстания: интересы мирового пролетариата.

Когда Рессель говорит, что мы, в интересах советского государства, готовы принести в жертву интересы британского рабочего класса, то это не только ложно, но и бессмысленно. Всякое ослабление британского пролетариата, а тем более его поражение в открытой борьбе, должно неизбежно нанести тяжелый удар и международному и внутреннему положению Советского Союза. Когда в марте 1921 года немецкие коммунисты сделали попытку искусственно форсировать пролетарскую революцию, они подверглись жестокой критике на III Конгрессе Коминтерна. В оправдание свое они ссылались на трудное положение Советской Республики и на необходимость помочь ей. Вместе с Лениным мы говорили им: не героические вспышки, а тем более не революционные авантюры могут помочь Советской Республике; нам нужно то же, что и немецкому пролетариату, т.-е. победоносная революция; было бы в корне ложно думать, будто пролетариат какой-либо страны должен, в интересах советского государства, предпринимать какие-либо шаги, которые не вытекают из его собственных интересов, как класса, борющегося за полное свое освобождение. Эта точка зрения, вошедшая в нашу плоть и кровь, чужда социалистам, которые — если не всегда, то, по крайней мере, в решающую минуту — неизменно оказываются на стороне своей буржуазии. Исключения не составляет и Рессель. Правда, во время войны он оказывал своему правительству довольно смелое, хотя политически и достаточно безнадежное противодействие: это была индивидуальная демонстрация, дань совести — судьба режима тут ни в малейшей степени не стояла на карте.

Но когда дело заходит о революции пролетариата, Рессель не находит в своем духовном арсенале других аргументов, кроме тех, которые его родят с „Morning Post“ и всеми Черчиллями его страны.

Величайшей особенностью британской политики — в этом резюмируется прошлая история страны — является вопиющее

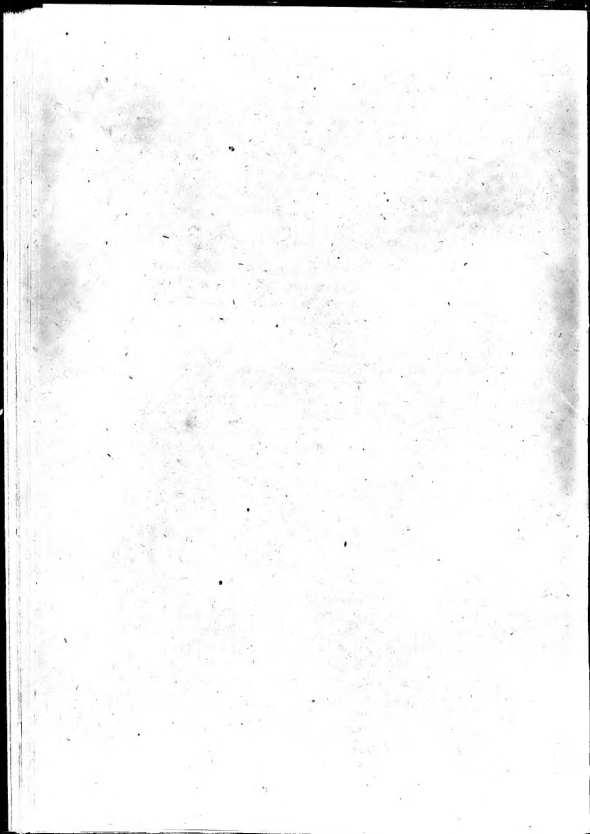
противоречие между революционной зрелостью объективных экономических факторов и крайней отсталостью идеологических форм, особенно в рядах рабочего класса. Меньше всего понимают эту основную особенность как раз те, которые ее ярче всего проявляют: буржуазные гуманисты, запоздалые просветители и пацифисты. На-ряду с реакционными мелкобуржуазными реформистами они считают себя призванными вождями пролетариата. Бертран Рессель не худший среди них. Но его писания на общественные и политические темы, его воззвания против войны, его полемика со Скотт Нирингом по поводу советского режима безошибочно характеризуют его поверхностный дилетантизм, его политическую слепоту, его полное непонимание основной механики исторического развития, т.-е. борьбы живых классов, вырастающих на производственной основе. Он противопоставляет истории пропаганду нескольких пацифистских лозунгов, которые сам он из рук вон плохо формулирует. При этом он забывает объяснить нам, почему пацифистское просветительство не спасло нас от войн и революций, несмотря на то, что им занимались такие выдающиеся люди, как Роберт Оуэн в первой половине XIX века, французские просветители — в XVIII столетии, квакеры — начиная с XVII века, и многие, многие другие. Рессель — запоздалый просветитель, унаследовавший от старого просветительства не его энтузиазм, а его идеалистические предрассудки. Рессель насквозь скептичен. Насильственным методам революции он как будто противопоставляет мирные и постепенные методы науки и техники. Но он так же мало верит в спасительную силу научной мысли, как и в силу революционного действия. В полемике против Ниринга он пытается, под прикрытием лжеосоциалистических фраз, принизить, опорочить, скомпрометировать революционную инициативу русского пролетариата. В полемике против биолога Хольдена он глумится над научно-техническим оптимизмом. В книжке „Икар“ он открыто выражает свое убеждение в том, что лучшим исходом была бы гибель всей нашей цивилизации. И этот человек, вдоль и поперек изъеденный червоточинной скепсиса — эгоистического, замкнутого в себе, аристократического, — считает себя призванным подавать советы английскому пролетариату и предостерегать его против наших коммунистических козней! Британский рабочий класс входит в такую эпоху, когда ему нужна величайшая вера в свою миссию и в свои силы. Для этого нет надобности в каких бы то ни было искусственных

возбуждающих средствах, вроде религии или идеалистической морали. Необходимо и достаточно, чтобы британский пролетариат понял положение своей страны в связи с положением всего мира, уяснил себе гниль господствующих классов и сбросил со своего пути карьеристов, знахарей и тех буржуазных скептиков, которые воображают себя социалистами только потому, что их, время от времени, тошнит в атмосфере гниющего буржуазного общества.

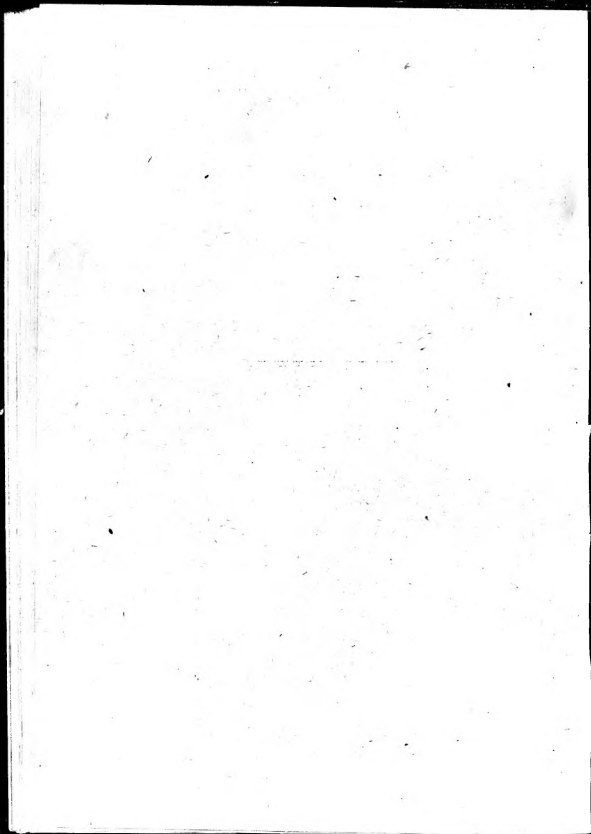
3 мая 1926 г.

Крым, в пути.

Р. С. Эти строки писались в те дни, когда вопрос о стачке углекопов и о всеобщей стачке висел на тонкой нити. И сейчас еще окончательного решения нет, по крайней мере до нас оно не дошло. Но какое бы направление ни приняли события в Англии в ближайшие дни и недели, вопросы, которым посвящена, в частности, настоящая статья, уже не сойдут более с порядка дня британской политической жизни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Х. Н. БРЕЛЬСФОРД

**ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ
„КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?“*)**

В заключение процесса коммунистов судья в лондонском суде присяжных предложил семи подсудимым выбрать между шестью месяцами заключения и взглядами, выраженными в этой книге. По буквальному смыслу этого приговора выходит, что это запретные взгляды, преследуемые законом. Если бы это было действительно так, то точка зрения, защищаемая Троцким на этих страницах, была бы тем самым оправдана, ибо это означало бы, что еще до совершения каких бы то ни было насильственных действий один факт появления на нашей политической арене маленькой революционной партии уже оказался достаточным, чтобы правящий класс, испугавшись, потерял уважение к свободе мнений, составляющей основу демократии. Не требуется особых усилий воображения, чтобы на основании этого эпизода предсказать, что произошло бы в том случае, если бы идейная критика выросла в страшную угрозу.

Но бой за свободу еще не проигран. Именно те из нас, кто не разделяет мнение Троцкого о неизбежно ожидающей нас судьбе, должны особенно приветствовать появление настоящей книги. Раз она может свободно выйти в свет, раз ее можно обсуждать, как она того заслуживает, с одинаковой свободой высказывания за и против, то значит кошмар процесса коммунистов рассеян — по крайней мере, на сегодня. Из всех партий Великобритании рабочая партия наиболее заинтересована в том, чтобы это беспощадное обличение ее самой свободно распространялось и внимательно выслушивалось. Нашу веру в приближение к социализму демократическим путем мы можем считать разумно обос-

*) „Where is Britain going?“, by L. Trotsky with an Introduction by H. N. Brailsford. London. George Allen & Unwin. Ltd.

нованной лишь в том случае, если противоположное мнение может высказываться вполне свободно, и если наши взгляды находят достойных и способных защитников. Если закон запрещает нам приходиться на основании изучения истории и современной политической жизни к тому выводу, что только путем насилия может быть достигнуто социальное переустройство, то с этого момента наше противоположное мнение перестает быть разумным убеждением и превращается в принудительный догмат.

Точка зрения, которую защищает Троцкий, никогда еще не обосновывалась с таким блеском. Помимо ее остроумия и логической силы, ей придает высшую убедительность стоящий за ней опыт. Автор памфлета, убеждающий нас, что нам не избежать гражданской войны, если мы действительно стремимся к социализму, сам руководил гражданской войной в условиях чудовищного неравенства сил и довел ее до победного окончания. Видно, кроме того, что Троцкий постарался как следует вооружиться для своей работы и направил свой гибкий ум на изучение нашей истории и нашей современной жизни. У него, правда, попадаются некоторые фактические ошибки*), но ни одна из них не лишает силы его аргументацию.

Книга Троцкого представляет собою жестокую атаку на все наше движение. Мы сделали бы серьезную ошибку, если бы поддались чарам его изложения настолько, что стали бы считать правильной его точку зрения. Он нападает на правых и левых с одинаковой страстностью. Иногда в своих выпадах против отдельных лиц он становится дерзок и оскорбителен; иногда его остроумие обезоруживает; иногда (так мне кажется) он осуждает те факты нашей истории и те пороки нашего мышления, которые в самом деле заслуживают осуждения. Но дело в том, что со своими безжалостными русскими методами он произведет на большинство читателей-англичан совсем не то впечатление, на какое он рассчитывает.

Троцкий слишком умен, чтобы не понимать, что есть различия в национальном характере англичан и русских. Он не раз повторяет, что история сделала каждого из нас тем, что он есть.

*) Он, повидимому, не понимает нашей выборной системы. Далее, независимая рабочая партия существует гораздо дольше, чем он предполагает, и количество ее членов превышает вдвое указанную им цифру. Местами он как будто отождествляет ее с фабианским обществом. Но эти промахи не имеют значения.

Однако, чем большее обнаруживает он знакомство с внешними событиями нашей истории, тем как будто меньше он нас понимает. Его отношении к религиозным верованиям большинства наших читателей является для меня доказательством, что он не в состоянии понять нас — я могу спокойно сказать это, ибо сам я принадлежу к агностикам. Я не встречал ни одного русского, хотя бы и долго жившего в Англии, который действительно понимал бы, что английская религия с ее старыми традициями свободного обсуждения, с ее демократическими формами, с ее устремлением скорее в сторону морали, чем в сторону обрядов и веры, с ее относительной свободой от всякой потусторонности не имеет буквально ничего общего с восточной церковью. Я желал бы знать, остался ли бы Троцкий при своем убеждении, что протестантская религия есть чисто „буржуазная“ вера, которой не может честно исповедывать ни один рабочий, если бы он хоть раз побывал в диссидентской часовне в угольном районе. Читал ли он когда-нибудь Беньяна и заглядывал ли в революционную историю антибаптистов или людей „Пятой Монархии“? Что сказал бы он по поводу своеобразных споров между мелко-буржуазными вольнодумцами, Робертом Оуэном (ненавидевшим борьбу классов) и пионерами английского трэд-юнионизма, которые с одинаковым упорством держались и за христианство и за веру в классовую борьбу?

Эта неспособность понять нас, естественная для человека из другого мира, чувствуется и там, где Троцкий издевается над мыслью, что рабочему большинству в парламенте удастся когда-нибудь добиться существенных перемен. Без сомнения, это будет предприятие, связанное с большим риском; конечно, оно потребует настойчивости и мужества. Ни один здравомыслящий человек не станет отрицать опасностей, на которые указывает Троцкий. Но равным образом, думается мне, всякий, кто понимает, как глубоко запечатлелись в сознании английского народа парламентские традиции и инстинкт повиновения воле большинства, признает, что эта попытка стоит труда. Не только в парламенте, но и в церквях, трэд-юнионах и даже в клубах из поколения в поколение внушалось англичанам это уважение к воле большинства. Что может знать об этом русский? Как может он судить о силе традиции в нашей более старой цивилизации? Мы ему скажем, наконец, что даже если он прав, если класс собственников захочет, в конце концов, отстаивать свои привилегии силой, то мы пред-

почтем сражаться, как сражался Кромвель, с парламентом за нами и с правом большинства на нашей стороне.

Впрочем, не дело пишущего предисловие вступать в полемику с автором. Предлагаемая книга, исполненная смелости и силы, имеет двойную ценность — как раскрытие русского образа мысли и как критика наших собственных путей развития. Это произведение острого и реалистического ума. Едва ли оно обратит многих из нас в русскую веру. Но мы не извлечем из него всю возможную пользу, если не воспримем его, как призыв заново продумать нашу позицию. Троцкий видит всю трудность нашего небывалого замысла, чего некоторые из нас не видят. Он понимает, что тактика, необходимая для преобразования старого общества, не может быть тактикой оппортунистического либерализма. Его книга, может быть, укрепит нас в нашей решимости во что бы то ни стало избежать гражданской войны, но она во всяком случае обращается к нам, как грозный вызов, заставляя нас проверить нашу искренность и спросить самих себя, готовы ли мы с такою же настойчивостью и смелостью, как эти отважные русские пионеры, честно идти к осуществлению нашей цели.

БЕРТРАН РЕССЕЛЬ

ТРОЦКИЙ О НАШИХ ГРЕХАХ

Новая книга Троцкого — одна из самых интересных книг, какую мне пришлось читать за много лет, и в известных пределах книга необыкновенно проникательная. В ней попадаются некоторые фактические неточности, но они не имеют значения: таковы, например, утверждения, что Джозеф Чемберлен порвал с Гладстоном в вопросе о протекционизме*), или что нынешнее распределение избирательных округов доставляет большие преимущества консерваторам.

Троцкий превосходно знаком с политическими особенностями английского рабочего движения. Большая часть его критических замечаний, на мой взгляд, вполне убедительна. Я оставляю в стороне его личные выпады против рабочих лидеров, которые могут нравиться или не нравиться, смотря по тому, нравятся или не

*) Отмеченная Ресселем неточность заключается в том, что Дж. Чемберлен вступил на путь протекционистской политики через несколько лет после ухода Гладстона с политической арены. *Ред.*

нравится читателю данный лидер. Более существенным представляется его упрек, что рабочей партии нехватает цельности теоретических взглядов. Возьмем, напр., вопрос о республиканском строе. Троцкий приводит заявления английской рабочей партии о том, что королевская власть никому не вредит и что король обходится дешевле президента. Он доказывает, что в момент решительного конфликта „буржуазия с большим успехом может использовать королевскую власть, как средоточие всех внепарламентских, т.е. реальных сил, направленных против рабочего класса... Провозглашать социалистическую программу и в то же время заявлять, что королевская власть „не мешает“ и обходится дешевле, совершенно то же, напр., что признавать материалистическую науку и пользоваться наговором колдуньи от зубной боли — на том основании, что колдунья обходится дешевле“.

Надеяться на осуществление социализма без предварительного установления республики может прийти в голову только англичанину; но едва ли это возможно для человека, сколько-нибудь основательно знающего историю и понимающего экономическую и психологическую связь между различными социальными учреждениями. Вопреки обратному мнению Брельсфорда, высказанному им в предисловии к рецензируемой книге, я склонен также думать вместе с Троцким, что социализм несовместим и с церковью. Личная религия это частное дело, но в современных мировых условиях всякая церковная организация необходимо является реакционной силой, хотя бы ее приверженцы и стремились к противному.

„Но, — скажут мне, — сколько членов рабочей партии проведете вы в парламент, если будете нападать на монархию и бороться с церковью?“. Здесь мы сталкиваемся с чрезвычайно опасной ошибкой. Думают, что все дело в том, чтобы всеми правдами и неправдами провести социалистов в парламент, даже если бы для получения депутатских полномочий им пришлось дать понять, что они готовы отказаться от проведения в жизнь значительной части социалистической программы. Создать правительство из лиц, исповедующих социализм, не то же самое, что создать социалистический строй; это с несомненностью обнаружилось во многих европейских странах после окончания войны. Социализм не будет действительно введен до тех пор, пока рабочие лидеры не захотят его всерьез. Под этим я разумею не то, что они будут сочувствовать ему в теории, но что ради него они будут готовы

отказаться от соблазна успехов в буржуазном обществе, выпадающих на долю удачливых рабочих вождей, пока они не затрагивают буржуазных привилегий.

Другой важный пункт освещается на примере Кромвеля, на котором Троцкий останавливается довольно долго. Кромвель, не в пример большинству членов парламента, отдавал предпочтение солдатам, убежденным в правоте своего дела, перед „джентльменами“, и только благодаря этому ему удалось добиться победы, несмотря на сопротивление высшего офицерства. В наши дни в Англии вряд ли найдется человек, убеждения которого были бы достаточно сильны, чтобы сделать его равнодушным к званию „джентльмена“. Иные рабочие лидеры постоянно идут на разные мелкие уступки из-за желания прослыть „джентльменами“ в глазах своих противников. Они, повидимому, не понимают, что идеал джентльмена есть одно из орудий в руках имущих классов: он воспрещает низкие поступки по отношению к богатым и сильным, но не по отношению к бедным и угнетенным. Это чисто английская слабость. Мы ничего не добьемся, пока не будем желать осуществления социализма больше, чем одобрения наших врагов, достижимого лишь ценою сознательного или бессознательного предательства.

Наша английская неприязнь к стройным системам и отсутствию у нас общих принципов сбивает с прямого пути наше рабочее движение. У Кромвеля было законченное философское мирозерцание, сколь бы нелепым оно ни казалось нам сейчас; было оно и у бентамистов, которые создали либеральную партию и все демократическое движение XIX века. Русские коммунисты сделали дело, которого никогда не могли бы сделать люди, доводящиеся ералашем прекраснородных настроений. Бесмысленно было бы, напр., утверждать, что социализм есть только осуществленное до конца христианство. Христианство — религия земледельца, а социализм nascovъ индустриален; он основан на чувствах, сколько на экономике. И нам, англичанам, подобно евангельскому юноше, обладавшему большим имением, мешает вполне ясно мыслить смутное сознание того, что если мы это сделаем, то должны будем отказаться от нашего империализма. Только благодаря полной путанице понятий рабочая партия может нападать на империалистов, заботясь в то же время о сохранении империи и продолжая традицию угнетения, как это фактически делало бывшее правительство Макдональда.

Допустим, хотя бы только предположительно, что все обвинения, выдвинутые Троцким против нашей партии, справедливы; но что сказать о программе, которую он сам начертывает для Англии? Я утверждаю, что эта программа такова, что ее мог бы защищать только враг или безумец; а Троцкий не безумец. Его взгляд заключается в том, что когда мы, наконец, получим рабочее правительство с определенным парламентским большинством, нынешние вожди, как правые так и левые, окажутся столь же беспомощными, как Керенский, и будут сметены решительными людьми дела.

„Полиция, суды, армия, милиция будут на стороне дезорганизаторов, саботажников, фашистов. Придется громить чиновничий аппарат, заменяя реакционеров членами рабочей партии“. Но эти меры „чрезвычайно обострят легальное и нелегальное сопротивление объединенной буржуазной реакции“. „В случае победы пролетариата [последует] сокрушение сопротивления эксплуататоров мерами революционной диктатуры“.

Удивительно, что реалистическое чутье Троцкого изменило ему в этом пункте. Значительная часть его книги посвящена доказательству, что наше экономическое положение чрезвычайно ухудшилось и что мы попали в зависимость от Соединенных Штатов. Но как только он начинает говорить о коммунистической революции, он всегда рассуждает так, как если бы мы были экономически самостоятельны. Ясно, что французские (если не английские) аэропланы и американские (если не английские) броненосцы быстро покончили бы с коммунистическим режимом в Англии; и во всяком случае экономическая блокада разрушила бы нашу экспортную торговлю и тем самым лишила бы нас подвоза продовольствия.

В книге есть несколько широковещательных фраз о сочувствии, какое коммунистическая Англия встретила бы со стороны Советской России. Но пока Советская Россия не в состоянии послать в Атлантический океан флот, превосходящий силами американский, не совсем ясно, что нам даст ее сочувствие, хотя бы и самое восторженное. Чтобы обеспечить себе экономическую независимость без первенства на море, мы должны были бы сократить численность нашего населения до двадцати миллионов. Пока бы мы умирали с голоду, приближаясь к этой норме, сочувствие Троцкого было бы для нас, разумеется, великим утешением; но, в конце концов, большинство из нас предпочтет остаться в живых без него, чем умирать с ним.

Все дело в том, что Троцкий ненавидит Англию и английский империализм — правда, не без основания, — и поэтому ему не следует доверять, когда он подает советы. Благодаря нашей зависимости от иностранного продовольствия мы так безнадежно вовлечены в сети мировой политики, что не можем ступить ни шагу без согласия Америки.

Троцкий говорит сам: „В решающей борьбе против пролетариата английская буржуазия будет пользоваться наиболее могущественной поддержкой буржуазии Соединенных Штатов, тогда как английский пролетариат будет опираться в первую голову на рабочий класс Европы и на угнетенные народные массы британских колоний“. Едва ли он предполагает, что снабжение нашей страны продовольствием сможет продолжаться при таких условиях. Я прихожу в ужас при мысли, что подобно всем нам он становится патриотом, когда дело доходит до конца; коммунистическая революция в Англии была бы выгодна для России, и поэтому он рекомендует ее нам, не взвесив беспристрастно, будет ли она выгодна и для нас. *Против* нее говорят соображения отнюдь не сентиментального, а стратегического и экономического порядка. Пацифизм, столь ненавистный Троцкому в британском рабочем движении, навязан последнему нашей зависимостью от Америки, явившейся в результате нашего участия в великой войне. Если Троцкий действительно желает распространения коммунизма, а не просто падения Англии, то он должен теперь же направить свое внимание на Американскую Федерацию Труда.

„New Leader“ 26 февраля 1926 г.

Р. МАКДОНАЛЬД

ИЗ СТАТЬИ „ТРОЦКИЙ О ВЕЛИКОБРИТАНИИ“

...На самом деле только отсталость России сделала возможной большевистскую революцию. Такая индустриализованная страна, как наша, зависящая в каждом моменте своего существования от международных торговых и иных связей, погибла бы через год советского управления и Чеки. Из всех европейских стран одна Россия, в силу ее отсталости и капитуляции ее правительства перед крестьянами, могла выдержать несколько лет большевистской власти.

Значительная часть книги посвящена вопросу о насилии как орудии социального переустройства, и тут Троцкий постоянно

возвращается к двум мотивам. Один из них он развивает весьма игриво. „Мы не верим в насилие“ — заявила независимая рабочая партия, и Троцкий с разнообразными вариациями и развязными комментариями напоминает ей о полицейских отрядах и о прошлых революциях (относительно которых он допускает, что они почти ничего не дали, кроме порабощения народа победителями). Тем не менее НРП совершенно права, отвергая теорию насилия. Возможно (как это догматически утверждает Троцкий), что когда мы будем иметь в парламенте рабочее большинство, которое проведет рабочую программу, то затронутые в своих интересах классы начнут борьбу. Это интересная тема для предсказаний, и недалеким от истины, может быть, окажется тот, кто думает, что английские тори совершенно не склонны уважать закон и порядок, если этот закон и порядок установлен не ими, и что они не захотят подчиняться конституционным методам, если этими методами будут пользоваться другие. Может быть окажется, что большевик и английский тори — члены одной и той же политической семьи. Однако, вопрос этот обсуждался в нашей партийной печати и обратил на себя внимание нашей рабочей партии, и тут Троцкому нечего предостерегать и учить нас. Но это между прочим. Рабочая партия прямо и открыто отвергает революцию, как путь к спасению, верит в силу политического действия и в случае прихода к власти будет защищать это действие как против восстаний коммунистов, так и против заговоров тори.

* * *

Восхождение рабочей партии на ступень второй партии в государстве есть факт; когда она окажется в состоянии государственного оформить свою конструктивную программу, это и будет революция.

...Великобритания стоит перед гигантскими затруднениями — имперскими, экономическими, социальными. Старые времена действительно прошли. Соперники окружают нас на суше и на море, с востока и с запада; отношения между капиталом и трудом складываются так, что пропадает взаимное доверие и добрая воля; капиталистический строй почти совершенно дискредитирован в хозяйственном отношении. В результате мы имеем упорное и непримиримое стремление к революции, и если бы вообще можно было рассчитывать на нее, она обрушилась бы на

нас в самом близком будущем. И тогда ни один разумный человек не посмеет бы отвергнуть ее. Но рассчитывать на революцию не приходится. Английское рабочее движение стремится усилить другую тенденцию — тенденцию к конструктивному преобразованию общества тем единственным путем, который может гарантировать успех, т. е. путем политического действия, направленного к достижению экономического переустройства, к установлению контроля над хозяйственной жизнью страны, к защите и укреплению общественного благосостояния в условиях всеобщего сотрудничества.

„The Nation“ 10 марта 1926 г.

ДЖОРЖ ЛЕНСБЕРИ

ИЗ СТАТЬИ „ТРОЦКИЙ“

...Главное утверждение Троцкого заключается в том, что без коммунистической революции в Англии не будет осуществлен социализм. Многие из нас считают, что и в нашей стране, как в России, социализм не сможет быть введен полностью, пока к нему не перейдут другие страны. Точно так же думают и большевики. Поэтому мы, английские социалисты, применяя все средства и методы, какие имеются в нашем распоряжении, будем продолжать строить и укреплять социалистическое движение, делать все возможное для приближения к социализму, пока не наступит мировая революция.

Наш рабочий класс постепенно усваивает великое искусство управления,—искусство, которому русские рабочие только начинают учиться. Уже почти сто лет мы получаем соответствующее воспитание в наших кооперативных обществах, тред-юнионах, муниципальных и других административных организациях. Медленно, но верно мы приближаемся к тому времени, когда будем в состоянии не только законодательствовать, но и управлять.

* * *

Наш правящий класс всегда хорошо владел искусством разделять и властвовать, главным образом, потому, что он больше заботился о пропитании и содержании войск, чем правительство всякой другой страны, а также потому, что никогда не давал широким массам дойти до полного голодания. Наши пред-

приниматели были достаточно богаты, чтобы обеспечить массам минимум материальных средств. И мы, посвятившие свои силы заботе о безработных и бедных вообще, использовали эти сравнительно благоприятные условия для того, чтобы сделать из них социалистов — что нам в значительной мере и удалось. Во всяком случае, когда английские рабочие объединятся и достигнут классового самосознания настолько, что встанут на революционный путь, тогда никто не будет в состоянии им сопротивляться.

* * *

Сама книга (и предисловие к ней) во всяком случае заслуживает внимания хотя бы только потому — здесь я повторяю слова Брельсфорда, — что она предъявляет к нам требование сделать наше движение более действенным. Я убежден в одном: английскому народу дана наилучшая из когда-либо имевшихся возможностей вести за собой мир, и я верю, что мы эту задачу выполним. Мы можем сделать еще не одну ошибку в течение ближайших нескольких лет, но я глубоко верю, что наш рабочий класс объединится и благодаря своему единению, а главное — благодаря до конца ясному пониманию своих целей, построит вместе с рабочими других стран международную республику труда.

„Lansbury's Labor Weekly“ 27 февраля 1926 г.

РОБЕРТ УИЛЬЯМС

ИЗ СТАТЬИ „ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ТРОЦКОГО“

Психология англичанина ускользает от Троцкого, как она ускользнула от многих других не-англичан, изучавших Англию. Два раза он приходит в ужас от того, что после смерти Керзона лидер оппозиции принес со своей стороны дань уважения памяти покойного деятеля...

* * *

Книга отвергает, конечно, наиболее распространенные у нас взгляды на развитие социалистического и рабочего движения. Но аргументы Троцкого бессильны потому, что, как я уже отметил, он, подобно большинству „иностранцев“ (я беру это слово

в самом дружелюбном смысле), неспособен понять характер англичан не только в его политических и промышленных, но и в его общих расовых проявлениях.

* * *

Люди, подобные Троцкому, не могут нас понять, — иногда мы сами не можем понять себя. Один известный европейский социалист сказал мне недавно: „Вас совершенно нельзя понять! Вы делегируете Томаса председателем международной федерации трэд-юнионов, а потом сменяете его Перселем; а между тем их политические линии кажутся нам столь же несовместимыми, как масло и вода. В Интернационале горнорабочих у вас сегодня Ходжес, а завтра Кук. В сентябре 1925 года съезд ваших трэд-юнионов в Скарборо заявляет о своей полнейшей непримиримости, высказывается за конфискацию, прямое действие и всеобщую забастовку; но не проходит месяца, и на ливерпульском съезде вашей рабочей партии подавляющим большинством голов принимается постановление об исключении коммунистов, которые подготовили воинствующие резолюции Скарборо“.

Не будучи в состоянии понять нас, Троцкий игнорирует большую часть обстоятельств, вытекающих из английских условий и английского характера, и спасается в область широких обобщений, основанных на том, что он хотел бы видеть.

* * *

Мы говорим нашим русским друзьям: высказывайте нам все, что вы о нас думаете, будьте как можно более откровенны, содействуйте всем, чем можете, международному движению, — но не ждите, что мы слепо подчинимся вашей опеке. Демократические и пролетарские силы Англии вносили свою долю в развитие мировой культуры, когда Россия находилась в состоянии глубочайшей отсталости и безграмотности. Каждая страна должна идти по пути, проложенному ее собственным историческим развитием; и, на некоторое время по крайней мере, английские трэд-юнионисты и социалисты останутся при своих методах политической и социальной демократии.

„Labour Magazine“ март 1926 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕССА О КНИГЕ „КУДА ИДЕТ АНГЛИЯ?“

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПРЕССА

„The Morning Post“ 18 июня 1925 г.
(Реакционный консервативный орган)

...Троцкий забывает, что Англия имеет за своей спиной горький опыт революции. Ошибка его аргументации заключается в том, что он считает „великий мятеж“ XVII века обнаружением душевного склада англичан, тогда как в нем следовало бы видеть только печальный опыт, который англичане не скоро забудут....

...Стачки и другие насильственные меры, подрывавшие нашу хозяйственную жизнь, лишний раз подтвердили ту истину, что насилие никогда не достигает поставленной цели. Этим и объясняется ненависть Троцкого к Болдуину, который не преминул использовать недовольство своих соотечественников индустриальным терроризмом для объявления крестового похода против большевизма.

Мы уверены, что правительство не даст запугать себя злобой Москвы, последним проявлением которой является книга Троцкого. Большевики опасны только тогда, когда их противники сдаются им. До сих пор наша политика по отношению к Москве слишком часто сводилась к ряду недостойных капитуляций. Сравним, например, то равнодушие, какое британское правительство не раз проявляло к конфискации собственности английских подданных в России, с энергичными представлениями Каллога мексиканскому правительству по поводу „национализации“ собственности американских граждан. Мы приветствовали бы наше правительство, если бы оно заняло по отношению к Москве такую же позицию, какую государственный департамент Америки

занимает по отношению к генералу Келлису. И начать надо с нелепого торгового договора, служащего для большевиков простой ширмой, за которой они сеют раздоры в нашем собственном доме....

„Manchester Guardian“ 15 сентября 1925 г.

(Орган либералов)

По мнению Троцкого, „Англия приближается полным ходом к эпохе великих революционных потрясений“. Так как русские пожалуй даже чаще, чем немцы, ошибаются в оценке других наций, этот диагноз может оказаться и неправильным. Гораздо симптоматичнее в этом отношении может показаться последний конгресс трэд-юнионов. Отличие этого конгресса от всех предыдущих заключается не столько в программе, сколько в методах ее проведения в жизнь. В речах и резолюциях конгресса заметен сдвиг по направлению к принятию коммунистической точки зрения. Они проникнуты духом классовой борьбы, отрицанием демократии и убеждением, что установление лучшего общественного порядка может быть достигнуто только методами экономического давления. Это лишний раз доказывает, что, в то время как коммунистическая партия Великобритании незначительна по числу своих членов и по своему влиянию, движение меньшинства в трэд-юнионах все усиливается. По своему направлению это движение ближе к коммунистической партии, чем даже независимая рабочая партия. Если эта последняя, подобно всем социалистическим течениям, добивается осуществления своей программы в рамках демократического государства, то движение меньшинства в трэд-юнионах враждебно самому принципу парламентаризма и демократического образа правления вообще. Приближается время, когда широкие массы трэд-юнионистов должны будут выбирать между рабочей партией и движением меньшинства. Это последнее должно овладеть партией прежде, чем оно овладеет государством. Ему может не удастся первое и уж наверное не удастся второе.

„The Northern Whig“ 19 марта 1926 г.

(Провинциальный орган либеральной партии)

Последним англичанином, пострадавшим от русской агрессивности, является м-р Брельсфорд, написавший предисловие к замечательной книге Троцкого „Куда идет Англия?“, в которой

ножды британской рабочей партии бичуются самым жестоким образом. Русский революционный вождь написал в „Известиях“ статью, в которой он сердито критикует замечания м-ра Брельсфорда об отношении советского правительства к религии. „Могущество протестантизма велико, но не безгранично. Наша задача — помочь разрушить в течение нескольких лет религию, которая складывалась веками“. Как видите, ясно и просто. Заявления Троцкого уже никак не перетолкуешь. Коммунисты, захватившие власть в России, во всяком случае действуют более прямо, чем английские социалисты, которые, будучи в большинстве своем членами христианских церквей, защищают в то же время советский строй и обвиняют своих политических противников в несправедливом отношении к нему. Троцкий и его единомышленники открыто высказывают свою вражду к христианству во всех его формах и свое твердое намерение разрушить его, — так же открыто, как они нападают на существующий экономический порядок или на британскую империю. Атеизм входит существенной составной частью в их ужасное кредо; без атеизма большевизм перестал бы быть большевизмом, и весь советский режим принял бы другой облик.

„Luton News“ 4 марта 1936 г.

(Провинциальная буржуазная газетка)

Любопытно, что хотя Троцкий диаметрально расходится с Ленсбери почти по всем пунктам, последний попрежнему величает его „товарищем“. То же наблюдается в нашей рабочей партии: хотя отдельные ее представители расходятся между собою больше, чем с членами других партий, они все же продолжают работать вместе для достижения одних и тех же политических целей. Очень многие люди физического труда нисколько не верят в социализм, но они прикованы к социалистической колеснице и, повидимому, не имеют сил и смелости порвать свои узы.

„The Japan Chronicle“ 25 октября 1935 г.

(Английский офицюз, издающийся в Токио)

...Один из несомненных фактов наших дней — улучшение внутреннего и международного положения английского капитализма; но Троцкий уверен, что оно будет не улучшаться, а ухудшаться,

что трудности, с которыми сейчас борется Англия, будут все обостряться и углубляться, ускоряя наступление революции. Ибо „волк“, о приближении которого пророчествует Троцкий, есть революция, и он приветствует ее приход с великой радостью...

...В программе фабианцев Троцкого, конечно, возмущает отсутствие насилия, потому что это последнее играет у него такую же важную роль, как голова короля Карла у мистера Дина*). К вопросу о насилии он возвращается то и дело. Вся его книга есть не что иное, как прославление революционного насилия, которое он естественно считает источником возникновения Советской Республики. И на вопрос, поставленный в заглавии книги „Куда идет Англия?“, Троцкий отвечает: „К революции“...

ПРЕССА АНГЛИЙСКОЙ „НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ“

„New Leader“ 2 октября 1925 г.

Из статьи Х. Н. Брельсфорда

„Коммунисты и конференция РП“

...Мы печатаем в настоящем выпуске нашего журнала изложение последней книги Троцкого „Куда идет Англия?“ с дословными цитатами. Мы делаем это для того, чтобы наилучшим образом осветить ту вырытую историей бездну, которая отделяет этих людей от нас. Названная книга написана человеком, который немало потрудился для ознакомления с английской жизнью

историей. Но наши пути отталкивают его, а его пути отталкивают нас. Он настаивает на том, что эти наши „странности“ являются „наследием истории“. И все-таки он полагает, что нация, которая складывалась веками на основе демократической и идеалистической традиции, может быть в течение пяти лет ниведена до желательного ему уровня „материализма“...

„New Leader“ 10 апреля 1926 г.

Западный пролетариат взирает без особенного огорчения на медленное отмирание бессильных теорий Троцкого. Но он чрезвычайно заинтересован в живом реальном факте социалистической России. В состоянии ли Россия практически усвоить себе

*) Душевно-больной из романа Диккенса „Давид Копперфильд“. Ред.

производительную мощь Западной Европы и в то же время избегнуть зол западно-европейского капитализма? К этой цели направлены труды Троцкого и его товарищей. Мы жаждем услышать благую весть об их достижениях. Все остальное — несущественно.

АМЕРИКАНОКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПРЕССА

„Brooklyn Daily Eagle“ 20 сентября 1935 г.

(Орган республиканской партии)

„Куда идет Англия?“, с виду научное исследование о промышленном и финансовом упадке Англии, вызванном верховенством Уоллстрита, является на самом деле лишь слегка замаскированным призывом к революционному свержению американского и великобританского правительств...

...Троцкий проповедует создание большевистской организации для разрушения Англии...

...под видом книги по экономическим вопросам он преподносит единственную философию, которая доступна ему и ему подобным:

Революцию...

...Троцкий подробно поучает, как свергнуть правительство...

...Книга „Куда идет Англия?“ — один из наиболее дерзких и красных революционных призывов, когда-либо брошенных против христианской цивилизации — широко распространяется сейчас в Англии и Америке...

Статс-секретарь Кэллог не впустил в Америку английского коммуниста Саклатвалу, члена британской делегации на междупарламентскую конференцию в Вашингтоне, ввиду его революционных взглядов и выражений.

Что собирается сделать правительство С. Ш. с этой большевистской книгой красного революционера Троцкого, дающей подробные наставления, как разрушить Англию и Америку?..

„The New-York World“ 16 сентября 1936 г.

(Орган демократической партии)

Изображая быстрое приближение двух руководящих капиталистических держав к пролетарскому перевороту, Троцкий явно старается подбодрить своих последователей, которые убедились, что за пределами России коммунизм распространяется безнадежно

медленно. Есть, однако, несколько фундаментальных фактов, которые, повидимому, ускользнули от его внимания. Например: в последние годы 50—60% северо-американского экспорта шло в Европу; утверждать, что С. III могут увеличить свой экспорт только при условии разорения их лучших клиентов, явно нелепо. Далее, способность Америки овладеть заграничными рынками, вопреки европейской конкуренции, еще должна быть доказана. Европейские железные и стальные изделия продавались в прошлом году в наших приморских городах по более низкой цене, чем наши, несмотря на тарифные ставки. То же самое приходится теперь сказать о зеркальном стекле. Британская конкуренция считается одной из главнейших причин, вызвавших депрессию в бумажно-текстильной промышленности Новой Англии.

Все эти факты не соответствуют тезису Троцкого; в то же время они дают Уоллстриту возможность доказать свою невиновность в сообщничестве с ним. Что касается Англии, то она идет, вероятно, навстречу многим социальным и экономическим переменам, но едва ли результат будет такой, какого ждет Москва.

„The Hartford Daily Times“ 24 октября 1925 г.

„Куда идет Англия?“ — одно из умнейших и самых дьявольских произведений диалектической софистики, какое мы когда либо читали. Троцкий предсказывает в нем социальную революцию в Англии.

... Диктатура пролетариата — не британская концепция, и образ мыслей Троцкого не может превратить ее в таковую...

... В общем русская действительность далеко не так плоха, как те перспективы, которые Троцкий рисует для Англии...

... Если Троцкий думает, что Англия подчинится хотя бы половине тех деспотических стеснений, которые налагает проповедуемый им режим, — пусть даже для достижения такой великокопешной цели, как диктатура пролетариата, — то он ошибается.

„New-York Times“ 26 сентября 1925 г.

(Орган крупной буржуазии)

... Повсюду в России считается общим местом, что опаснейшим врагом пролетариата является „желтый“ социалист. Этот взгляд развивается в книге Троцкого „Куда идет Англия?“, изливающей ядовитое презрение на Макдональда и ему подобных.

Под последними разумеются все участники рабочего движения, если они только не открытые и безусловные коммунисты. Такие люди, как Кирквуд, Уитли и Ленсбери, возглавляющие левое крыло движения, сваливаются в одну кучу с Макдональдом, Томасом, Клайнсом, Вэббом, Бернардом Шоу, Уэльсом — все это „буржуазные“ пацифисты, религиозники, круглые невежды и трусы, пребывающие в той иллюзии, что победа труда может быть достигнута не насильем и не путем установления диктатуры пролетариата.

Чтобы привести Англию к этому должжданному концу, Троцкий предсказывает ей будущее, диаметрально противоположное тому, которого всегда добивалась рабочая партия. Он показывает, как Англия теряет свое международное положение и падает под бременем растущей безработицы и бедности. Он нисколько не скрывает, что это является необходимым условием для победы коммунистов. Он допускает, что если бы Англия осуществила невозможное и восстановила свое благосостояние, английские массы могли бы еще раз соблазниться сладкой отравой буржуазии. Ясно, что не может быть никакого сотрудничества между подобной философией и тактикой и тою, за которую стоит громадное большинство британской рабочей партии...

„Nations' Business“ 11 ноября 1925 г.
(Орган крупных финансистов)

В предисловии к своей книге об Англии Троцкий пишет, что „кузнецами грядущих европейских революций являются Морган, Дауэс, Юлиус Барнес“.

М-р Барнес отвечает на это:

Большая Россия читает наставления здоровой Америке.

Старая цивилизованная страна с 100-миллионным населением, очутившаяся в состоянии крайнего варварства, пытается поучать Америку, с ее хозяйственными и социальными достижениями, символом которых могут служить ее 18 миллионов автомобилей и ее башни-небоскребы.

Деспотически управляемая Россия, лишенная свободного слова и свободной печати, страна, где душевое потребление газет составляет 6 фунтов в год, — просвещает Америку, где душевое потребление газет составляет 150 фунтов в год, где мировые события изображаются на тысячах экранов в кинотеатрах, где музыка и свободные речи проникают в каждый дом при помощи радио.

Обанкротившаяся Россия, ищущая иностранных кредитов, присваивающая себе продукцию своих бедных деревень по правительственным ценам (это для нее единственный способ приобрести за морем некоторые предметы первой необходимости), убеждает Америку в ошибочности ее политики, которая в течение 12 лет подняла сбережения Америки с 6 миллиардов до 12 миллиардов долларов.

Коммунистическая Россия, уничтожившая личную хозяйственную инициативу, после чего миллионы жителей этой великой земледельческой страны спаслись от голодной смерти только благодаря помощи капиталистической Америки, предписывает свои жалкие правила Америке, где личная инициатива подняла общий уровень жизни на высоту, вызывающую изумление и зависть других народов...

.. Но если Америка желает распространить во всех уголках мира, среди менее счастливых народов, старых и новых, свои магические методы производства и транспорта, дающие простор личным силам и удовлетворение личным потребностям,— то Троцкий может видеть в этом только корыстное стремление Америки оградить свою промышленность от конкуренции стран-соперниц.

Великой угрозой социальному прогрессу является та тирания, которая господствует сейчас в России, где огромные запасы угля, железа, меди, нефти, леса и рабочей силы пропадают втуне, потому что экономическая и политическая демагогия держит сто миллионов людей во тьме невежества, играя на их доверчивости такими дешевыми выкриками, как „эксплоатация“ и „мировая революция“...

*„Baltimore Sun“ 21 ноября 1925 г.
(Левый орган либеральной буржуазии)*

... Повидимому, Троцкий не отказывается от сотрудничества с революционерами Уоллстрита. По крайней мере, его новая книга искусно рассчитана на углубление пропасти между правым и левым крылом британской рабочей партии, на дискредитирование нынешних рабочих вождей и на оправдание методов коммунизма...

... И надо сказать, что со времени памфлетов Лютера не появилось более жгучей и злой инвективы. Всем рабочим лидерам достается по очереди, от Ленсбери, которому „помог“ церковный гимн, до Макдональда и Гендерсона, которые „поработили рабо-

чий класс буржуазному обществу". А между тем английские массы считают рабочую партию своей партией...

... Преобладание Америки давно уже общеизвестный факт, а современные трудности Англии признаются даже в палате общин. Если бы пролетарская диктатура воцарилась в Вестминстере, Америка сохранила бы и, вероятно, еще усилила бы свой контроль над мировой торговлей и финансами, а Англия оставалась бы попрежнему перенаселенной, нуждающейся в капиталах и ищущей рынков. Даже обещание Троцкого, что „рабоче-крестьянская“ Россия окажет революционной Англии сердечную поддержку, едва ли побудит английского рабочего бросить свою бутылку пива и двинуться на выполнение своей „предназначенной миссии“. Англия вероятно и на этот раз „кое-как вылезет“ при помощи конституционных методов...

„Louisville Ky Times“ 14 октября 1925 г.

(Небольшая провинциальная газета)

... Подробные наставления Троцкого о том, как можно и должно произвести пролетарскую революцию, привели в ужас Фр. Бойда Стивенсона из „Brooklyn Eagle“, разразившегося целым градом патетических фраз и восклицаний. Стивенсон, по мнению которого Кэллог был вполне прав, не допустив Сахлатвалу в нашу страну, хочет знать, неужели книга Троцкого будет допущена к распространению в Америке...

... Но, разумеется, эти страхи напрасны. Троцкий мог бы поднять Америку только в том случае, если бы некоторые группы американцев были уже внутренне расположены следовать его руководству. *Хижина дяди Тома* не произвела бы особенного впечатления, если бы не было аболиционистов...

... Американцы не возражают против насилия. Но они не собираются употребить его, под руководством Троцкого, для разрушения мира, благоденствия и наилучших возможностей. Страшны ли памфлеты постороннего?..

НЕМЕЦКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПРЕССА

„Frankfurter Zeitung“ 19 июля 1925 г.

(Орган либеральной буржуазии)

... Чичерину придется считаться с впечатлением, произведенным в Англии философией истории Троцкого. Эта философия во всяком случае облегчает наиболее крайним английским кон-

серваторам пропаганду против Советской России. Она затрудняет разрешение настоящего кризиса в англо-русских отношениях...

... И действительно, нынешняя напряженность англо-русских отношений вызвана не угрозой социальной революции со стороны Коминтерна, а старым антагонизмом обеих стран в области *мировой политики*, — антагонизмом, который не был ликвидирован мировой войной, потому что там дело шло о европейских проблемах. Россия восстанавливается, она ведет активную политику, и в результате по всей линии, разделяющей сферы влияния обеих держав в Азии, воскресают старые конфликты. Средства борьбы изменились, но цели остались те же.

Содержание последней книги Троцкого представляет собою скорее музыкальный аккомпанимент к этой борьбе. Англия как будто готовится превратить ее в общую борьбу против мировой революции. Во всяком случае так представляют себе дело здесь, в Москве. Англию рисуют себе во главе новой антисоветской коалиции, которая не ограничится одной блокадой. Антирусские намерения вкладывают и в политику гарантийного пакта, которая объясняется желанием Англии отдалить Германию от России. Высказывается даже мысль, что Англия предоставила бы Франции гегемонию в Европе, если бы получила взамен поддержку Франции против Советской России...

АМЕРИКАНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА

„*Freiheit*“ 15 ноября 1925 г.

(Еврейский коммунистический орган)

... Новая книга Троцкого ставит себе задачей предсказать путь, по которому будет развиваться Англия. Но он говорит не столько обо всей Англии и даже не столько о ее рабочем классе, сколько о рабочей партии и главным образом о ее вождях. Верно, конечно, что будущее Англии есть будущее ее рабочего класса, а будущее рабочего класса определяется характером рабочей партии. Но все-таки выходит, что автор дает не больше, а меньше, чем обещает в заглавии, что он суживает свою тему, уделяя частностям больше внимания, чем целому...

... Троцкий обнаруживает поразительное знакомство со всем, что говорили и писали лидеры трэд-юнионов. В своей критике этих лидеров он несравненен. Но того простого факта, что в английском профсоюзном движении *уже* происходит настоящая

революция, которая вскоре проявится в резолюциях Скарборо и в шестерном союзе важнейших английских трэд-юнионов, — этого мы из его книги не усматриваем, *предвидеть* это он нам не помогает...

„Workers Monthly“ ноябрь 1925 г.

... Читателя кормят до смерти надоевшими сказками о том, что англо-саксонцы обладают каким-то врожденным умением разрешать мирным путем если не все международные, то, по крайней мере, все свои внутренние вопросы.

Для человека, начитавшегося этих пустяков, книга тов. Троцкого — настоящая отрада. Со свойственным ему блеском литературного изложения и остротой политического анализа тов. Троцкий разрушает иллюзии об англо-американской гармонии и о врожденной склонности англо-саксонцев к мирному социальному развитию. Он показывает, что англо-американское сотрудничество фактически свелось к потере Англией самостоятельности и к ее растущей зависимости от Соединенных Штатов...

АНГЛИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА

„Workers Weekly“ 26 февраля 1926 г.

Из статьи тов. А. Джексона
„Отступление перед Москвой“

Книга Троцкого есть вызов. И не удивительно, что этот вызов задел за живое тех, кому он брошен.

Прежде всего, Троцкий бросает вызов тем, кто утверждает, что „добрые старые времена“ неизбежно вернутся, если только рабочие согласятся терпеливо ждать улучшения своего положения. Это утверждение является основной предпосылкой всякого ортодоксального консерватизма — как либералов, так и ториев. Иначе им пришлось бы перестать быть консерваторами. Если капитализм есть (как они полагают) единственная прочная система социально-экономических отношений, то он должен обладать внутренней силой приспособления к изменившимся условиям, он должен рано или поздно преодолеть все трудности послевоенного кризиса.

* * *

Второй вызов Троцкого направлен против теоретиков и доктринеров, которые в настоящее время ведут за собой лидеров

рабочей партии (и которых он совершенно справедливо объединяет под общим названием „фабианцев“). Троцкий спрашивает их, могут ли они отрицать, что в основном пункте сторонники Болдуина мыслят совершенно так же, как сторонники Макдональда и как колеблющиеся между теми и другими либералы. И этим основным пунктом является как раз та „необходимость постепенности“, которую они все защищают против Троцкого.

Практическое значение этого вопроса для английских рабочих громадно. Чтобы освободиться от капиталистического ига, английские рабочие должны сами стать правящим классом, и орудием для достижения этой цели должна быть их политическая партия, которая может победить только при условии полного поражения ее противников. Но во всех критических вопросах, которые неизбежно возникнут при этой борьбе — например, в вопросе о всеобщей стачке, о сохранении монархии и аристократии, о Советской России и коммунизме, — мадональдовщина (господствующая ныне в рабочих советах) будет самым ярким врагом воинствующей рабочей политики.

Отсюда вытекает третий вызов Троцкого. Если верно, что капитализм способен к прогрессивному совершенствованию, то к чему нужна рабочая партия, кроме разве как для того, чтобы служить привеском к буржуазным партиям?

* * *

Замечательно, что тогда как в отдельных вопросах все критики Троцкого противоречат друг другу самым решительным образом, они вполне единодушны — от тория сэра Сиднея Лоу до левого независимца Бертрана Ресселя — в одном (хотя и по разным основаниям): в том, что против возможности пролетарской революции в Англии следует бороться всеми мерами.

* * *

Рабочая партия, как показывает ее название, образовалась для руководства классовой борьбой. Бывшие либералы, вошедшие в партию, может быть, не сознают этого факта, другие, может быть, хотят забыть о нем. Из страха перед потрясениями (и риском?) и в погоне за парламентскими лаврами во что бы то ни стало можно, конечно, утверждать, что „рабочая власть будет править в интересах всех классов без различия“. Но действительность

возьмет верх, и беспощадная логика фактов рано или поздно вынудит рабочую партию встать по ту или другую сторону баррикады.

И тогда исполнится предсказание Троцкого.

„Labour Monthly“, апрель 1924 г.

(Крайне левый рабочий орган,
близкий к коммунистам)

Из статьи Р. Пальма Дэтта

„Троцкий и его английские критики“

Читая отзывы о книге Троцкого, никто бы не подумал, что это серьезное произведение. Послушать рецензентов, в книге нет ничего, кроме блестящего остроумия, фантазий русского революционера, никогда не выезжавшего за пределы России, и злостных выпадов против отдельных лиц. В действительности же книга дает объективную оценку положения Англии, беглую и сжатую, но сделанную рукою мастера; полемический момент строго подчинен в ней объективному изложению вопроса.

Прежде всего нужно сказать несколько слов о повторяемом всеми критиками обвинении, что Троцкий совсем не знает Англии. Вернее было бы сказать, что его критики совсем не знают Англии, как это явствует из каждого отдельного утверждения реформистской школы за последние пятьдесят лет. Троцкий имеет полное право утверждать, что марксисты лучше понимают темп развития английского рабочего движения и лучше предвидят его завтрашний день, чем нынешние „теоретики“ рабочей партии.

Самая эта мысль, что Троцкий, как иностранец, не может написать дельную книгу об Англии, свидетельствует о бездонном национальном невежестве и самомнении. С таким же правом можно было бы утверждать, что Маркс не должен был писать о капитале, потому что не был капиталистом. Когда критики Троцкого с торжеством указывают на некоторые незначительные промахи в деталях (при чем в девяти случаях из десяти они оказываются неправы даже фактически), они только обнаруживают меру своего собственного ничтожества. Разумеется, когда дело идет о злободневных вопросах классовой борьбы, научное рассмотрение не может ограничиваться общими принципами, а должно войти в самое тесное соприкосновение со всеми дета-

лями живой практики. Но думать, что самое главное не научные принципы, а подробное знание местных условий (которыми обладают 50 миллионов англичан, ничуть не становясь от того умнее), думать так есть чистое ребячество.

Революция, ставящая себе целью переход власти в руки рабочего класса, не может быть совершена без абсолютной ясности сознания и безусловной решимости вождей, без полной свободы от буржуазной идеологии, без сильной центральной организации, — словом, без массовой революционной партии, ведущей рабочих на борьбу за пролетарскую диктатуру. Всех этих условий в английском рабочем движении пока еще нет, и эта слабость субъективной подготовки рабочих замедляет развитие ситуации. Отчего это происходит? Каковы те традиции и силы, которые стоят поперек пути? Вот тут-то Троцкий и обнаруживает всю силу своего анализа и полемического темперамента, разоблачая идеологическую путаницу и лицемерие нынешних рабочих вождей и указывая рабочим единственный верный путь.

... Борьба за действительное освобождение рабочих требует полного разрыва со старыми традициями и предрассудками, которые могут быть разделены на четыре главные группы: 1) религия, 2) пацифизм, 3) парламентарная демократия и 4) постепенность. При ближайшем анализе все они сводятся к одному и тому же: к покорности перед правящими классами.

Ничто не характеризует так ясно степень духовного развития фабианских социалистов, как тот единодушный отпор, какой встретили с их стороны нападки Троцкого на религию. Мало того, что все реформистские критики решительно высказываются против этих нападок; они пытаются еще доказать, что позиция Троцкого объясняется тем, что он, Троцкий (так хорошо знающий Западную Европу и Америку), не может себе представить никакой другой церковной религии, кроме старого русского православия! Это поистине комическое недоразумение приводит на ум Мальволио, который не узнает самого себя. Каждой страницей своей книги Троцкий доказывает, что он имеет в виду именно то этическое протестантское христианство, с его заплесневелыми пуританскими гимнами, которое вчера составляло основу старого либерализма, а сегодня является основой верхних слоев рабочего движения, и которое, несмотря на все свои псевдо-демократические жесты, всегда было последним прибежищем Ллойд-Джорджей, Макдональдов и всего, что есть лицемерного и реакционного в совре-

менной политической жизни. Это не мешает Брельсфорду утверждать, что Троцкий не в состоянии понять „свободные“ и „демократические“ традиции „английской религии“. „Остается ли бы Троцкий при своем убеждении, что протестантизм есть чисто „буржуазная“ вера, которую не может честно исповедывать ни один рабочий, если бы он хоть раз побывал в диссидентской часовне в угольном районе?“. На это я отвечаю, что, как известно, именно в угольных районах главная борьба всегда шла между религиозным возрожденчеством с неотделимым от него спиритуализмом, с одной стороны, и революционным коммунизмом — с другой.

Не менее суровой критике подвергает Троцкий лозунги пацифизма, капиталистической демократии и „постепенности“. Нетрудно видеть, что „постепенность“ при ближайшем анализе превращается в пустую фразу о том, что прогресс должен быть медленным, т.-е. в оправдание существующего порядка. Понятие эволюции, т.-е. развития, составляет основу научного мышления; но решительно ни на чем не основано утверждение, что эволюция не может заключать в себе скачков и конфликтов. Все это противоположение „эволюция“ и „революция“ есть чистейшее ребячество и бессмыслица. „Эволюция“ ведет к „революции“, и „революция“ составляет часть „эволюции“.

...Чрезвычайно характерно отношение критиков к вопросу о революционном и буржуазном насилии. Все критики единодушно высказываются против Троцкого, т.-е. все в сущности требуют безоговорочного подчинения господству буржуазии; но доводы отдельных критиков различны, противоречат друг другу и сводятся в конце концов к повторению тех самых избитых формул, которые так терпеливо анализирует Троцкий, при чем критики даже и не пытаются действительно ответить Троцкому.

Достаточно просто сопоставить эти „доводы“ (если их можно так назвать!), чтобы понять их общую сущность.

1) *Насилие бесполезно.* „Силой — в конце концов ничего не добьешься“. „Решающий аргумент против насилия заключается в том, что оно было средством борьбы в течение столетий, а мы все стоим на прежнем месте“ (Ленсбери). Эти сбивчивые „толстовские“ аргументы против насилия не имеют никакого отношения к политике самих вождей рабочей партии, ибо они признают и применяют насилие, когда дело касается защиты империалистических интересов.

2) *Насилие недопустимо.* Этот аргумент пускает в ход редактор „Дэйли Геральд“. Приведя фразу Троцкого (по поводу Кромуэля) о праве класса, выполняющего историческую миссию, устранять со своего пути все препятствия, он с торжествующим видом заявляет, что этот аргумент потерял теперь свою силу, потому что Муссолини и британский империализм тоже верят в свою „историческую миссию“. Несомненно, они в нее верят, но именно поэтому их насилие и может быть сломлено только ответным насилием рабочего класса. Редактор „Дэйли Геральд“ находит такую перспективу „мрачной“. Он предпочитает „надеяться, что люди поймут бесполезность насилия“ и т. д. Другими словами, он противопоставляет свои „надежды“, желания, личные чувства — объективным фактам, которые он сам же признает, но только находит „мрачными“. Это чистейший субъективизм.

3) *Насилие неизбежно.* „Бой за свободу еще не проигран...“ (Брельсфорд). „Мы воспитаны в повиновении воле большинства“ (Джонстон). Здесь мысль явно диктуется желанием. Особенно показательны в этом отношении предисловие Брельсфорда, который прямо утверждает, что раз книга Троцкого благополучно выпущена в свет и разрешена к обесуждению в Англии, то значит „кошмар процесса коммунистов рассеян, — по крайней мере, на сегодня“. К несчастью, однако, двенадцать осужденных продолжают сидеть в тюрьме; Хикс остается министром внутренних дел; ОМС и особые полицейские отряды продолжают набираться; намерения консерваторов ясны для всех. Но для Брельсфорда все эти факты „рассеяны“ — потому только, что вышла в свет книга и он написал к ней предисловие. На этой „демократической точке зрения“ „надежды“ явно заменяют факты.

4) *Мы будем бороться, если и т. д.* Это те „героические обещания“, о которых говорит в своей книге Троцкий и которые не стоят медного гроша. Брельсфорд, Джонстон и другие повторяют эти обещания, даже не пытаясь ответить на сокрушительный довод Троцкого, что обещания совершенно бесполезны, когда им не предшествует практическая подготовка.

5) *Мы не можем бороться, потому что и т. д.* Это другой тип аргументации, особенно охотно употребляемый Джонстоном, Расселем и др. В качестве причины, почему „мы не можем бороться“, обыкновенно приводится какое-нибудь чисто техническое соображение. До войны излюбленным аргументом служила в этих случаях современная артиллерия. После русской революции,

аннулировавшей этот аргумент, ссылаются на химическую войну, на воздушный флот, а когда речь идет об Англии — на прекращение подвоза продовольствия.

Нетрудно видеть, что все перечисленные аргументы, будучи сопоставлены, обнаруживают свое полное ничтожество. Утверждение, что всякое насилие незаконно, находится в полнейшем противоречии с практикой официальных лидеров рабочей партии. Утверждение, что всякое насилие бесполезно, противоречит утверждению, что мы прибегнем к насилию, когда это будет нужно. Утверждение, что мы прибегнем к насилию, когда будет нужно, вполне противоречит утверждению, что мы не можем бороться, даже если бы захотели. И так далее без конца. Но все эти противоречивые утверждения сходятся в одном и только в одном: в практическом выводе, что не следует возбуждать вопроса о буржуазном насилии и о классовой борьбе.

...Полнейшее бессилие ответов Троцкому, опубликованных в официальной рабочей печати, прямо-таки поразительно. Мы не находим ни одной попытки ответить Троцкому по существу, — ни одной попытки оценить объективное положение Англии, тенденции ее развития, политику ее буржуазии, ближайшую проблему классовой борьбы английских рабочих. Все эти серьезные вопросы не существуют для беззаботных писателей официальной рабочей прессы. Для них все сводится к чисто личным моментам. Троцкий — „блестящ“, „остроумен“, но „дерзок“, и „оскорбителен“, у него „отвратительный вкус“. Троцкий позволил себе „выпады“ против рабочих вождей, и они, естественно, хотят отплатить ему тем же: речь идет как будто о сведении личных счетов. Троцкий — „русский“, его точка зрения (казалось бы достаточно известная во всех странах после Коммунистического Манифеста) есть „русская точка зрения“ (может быть, Брельсфорд считает и Коммунистический Манифест „русским“ документом?); он на все смотрит сквозь „русские очки“ и воображает, что все страны должны подражать России; если он доказывает необходимость революции в Англии, то потому, что английская революция была бы „выгодна для России“ (Ресель). А когда иной критик и пытается подойти к одному из основных вопросов, поставленных Троцким, он тотчас же обращается к своим личным чувствам, эмоциям, мнениям, надеждам, пожеланиям и отвергает точку зрения Троцкого на том основании, что она „мрачная“; он с жаром высказывает свои

личные надежды и убеждения, как будто они могут заменить аргументы, и даже не ставит себе вопроса, как быть в том случае, если его личные убеждения окажутся ни на чем не основанными.

Это банкротство, разумеется, не случайно, а является выражением идеологического краха всего фабианского социализма и независимой рабочей партии. В наши дни становится все более ясно, что единственное правильное понимание современных проблем есть то, которое дает коммунизм. Марксизм побеждает и в Англии силою вещей. Как тридцать лет тому назад НРП привлекла к себе симпатии профсоюзных вождей, так ныне профсоюзный молодежь устремляется к коммунизму. Контраст и конфликт между книгой Троцкого, с ее объективностью и воинственной смелостью, и его рецензентами, заменяющими аргументы своими смутными личными настроениями, есть контраст между двумя мирами, конфликт между двумя классами. Между этими двумя мирами не может быть действительной связи. Старые вожди, воспитанные на традициях либерализма, никогда не поймут существа дела и будут повторять свои пустые фразы до тех пор, пока не сойдут со сцены или не будут отброшены в сторону. Но молодые рабочие, выросшие в атмосфере военных и послевоенных лет, быстро усваивают уроки времени; и книга Троцкого окажет им существенную помощь. Английский рабочий класс должен быть благодарен Троцкому за его книгу. Будем надеяться, что он не ограничится этим кратким очерком, но будет продолжать свою просветительную и полемическую работу и углублять дальше свой анализ, столь необходимый для Англии. Ибо, что бы там ни говорили националистические филистеры, английская проблема, больше чем всякая другая, сможет быть разрешена только соединенными усилиями всего международного движения.

Библиотека

Иванова-Вавилова

Ленинград, 1925 г.

Государственное Издательство

Москва — Ленинград

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ

СПЕКТАТОР

АНГЛИЯ НА ПЕРЕПУТЬИ

Перевод с немецкого Ю. А. Смолянина.

Стр. 71.

Ц. 45 к.

„В брошюре затронут ряд важнейших вопросов экономического и политического положения Англии. Автор рассматривает современную стадию британского капитализма, как его последнюю фазу. Под этим углом зрения он пытается подойти ко всем экономическим и политическим вопросам, как они встали в Англии к концу 1924 г., именно: к вопросу о перспективах промышленного развития Англии и возможностях накопления капитала в ней; к вопросу об изменении организационных форм английской промышленности; к проблеме внешней торговли; к отношению между капиталом и трудом и, наконец к главному вопросу — к выяснению ближайших перспектив революционного движения и препятствий, стоящих на пути коммунистической партии в Англии. И нужно сказать, что по всем этим вопросам в книге собран интереснейший и солидный материал в виде различных цифровых сведений, выдержек из английской ежедневной прессы и речей наиболее выдающихся представителей современной Англии. В этом — несомненное достоинство и ценность для русского читателя рецензируемой брошюры.“ („Известия“, 27/IV—26 г.).

★

КАПИТАЛ ПРОТИВ ТРУДА В АНГЛИИ

ФЕДЕРАЦИЯ БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Перевод с английского И. Маркельса.

С предисловием Ф. А. Ротштейна.

Стр. 56.

Ц. 50 к.

Федерация Британской Промышленности, охватывающая крупнейшие предприятия страны, является в настоящее время главным штабом британского капитала. Ее влияние на законодательство и администрацию страны огромно. Она непрерывно развивает новые методы объединения капиталистических сил и широкой пропаганды капиталистических интересов, ведет неустанную и успешную борьбу за охрану прибылей, борьбу против контроля над промышленностью, за понижение заработной платы и удлинение рабочего дня.

Предлагаемая брошюра, построенная только на фактах, мыслях и цифрах, извлеченных из „Бюллетеня Ф. П. Б.“, дает описание работы этой огромной машины и характеристику ее тенденций.

2 р. 50 к.
80 ц. — Р.

Государственное Издательство
Москва — Ленинград

К СОБЫТИЯМ В АНГЛИИ

Г. ЗИНОВЬЕВ
ВЕЛИКИЕ СОБЫТИЯ В АНГЛИИ
(Выходит на днях.)

★
К. РАДЕК
**ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА
И СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ**
Стр. 48. Ц 20 к.

★
А. ЛОЗОВСКИЙ
КЛАСС ПРОТИВ КЛАССА
Стр. 32. Ц 15 к.

★
А. ЛОЗОВСКИЙ
УРОКИ АНГЛИЙСКОЙ ЗАБАСТОВКИ
Стр. 42. Ц 20 к.

★
П. ЛАПИНСКИЙ
**МИРОВОЙ КРИЗИС УГЛЯ
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
С предисловием К. Радека.
Стр. 43. Ц 20 к.

Брошюра дает обильный материал, освещающий рост и причины кризиса угольной промышленности во всем мире и в Англии.

**МИРОВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
Д В И Ж Е Н И Е**

Справочник Профинтерна
Под общей редакцией А. Лозовского.
ТОМ ПЕРВЫЙ
Австрия. Бельгия. Болгария. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.
Изд. 2-е, доп. изд.

(Красный Интернационал Профсоюзов.)
Стр. 496 + 5 диаграмм. Ц 5 р. 50 к.

